

№ 450

Титульный лист книги, текст которого почти полностью выцвет и нечитаем.

Д 19 —
343

343+348
8-40

1957

№ 56

1957

О СРЕДНЕМЪ

И

ВЫСШЕМЪ ОБРАЗОВАНИИ

~~ПОДАШЕНО~~

Л. В. Безобразова.

X

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СЕГИРЕВОЙ
ОСТОЛЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., ДВ. 1.
1903.

1

Дозволено цензурою. Москва, декабря 3 дня 1902 года.

О среднемъ образованіи.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я читалъ публичную лекцію въ Баку, и ко мнѣ пришелъ за совѣтомъ молодой человѣкъ, отрекомендовавшійся воспитанникомъ реального училища. Онъ сообщилъ мнѣ, что желалъ-бы получить высшее образованіе и не знаетъ, какъ это сдѣлать. Онъ богатъ, но вовсе не желаетъ продолжать дѣло своего отца, т. е. не хочетъ заниматься добываніемъ нефти или торговлей; онъ жаждетъ одного, образованія, по возможности полного и разносторонняго, а потому онъ хотѣлъ-бы поступить въ университетъ.

— Но вѣдь это совершенно невозможно, отвѣтилъ я, изъ реального учи-

лица въ университетъ не допускаютъ даже вольнослушателемъ. Вы должны поступить сначала въ какое-нибудь специальное учебное заведеніе, напрімѣръ, технологическій институтъ, пробыть тамъ пять лѣтъ, окончить курсъ, и тогда вы приобретете право быть вольнослушателемъ въ университетѣ. Если вамъ не нужны дипломы, вамъ безразлично, какъ вы будете называться студентомъ, или нѣтъ, вы можете слушать любого профессора.

— Дипломовъ мнѣ не нужно, возразилъ мой собесѣдникъ, потому что я богатъ, но я не чувствую никакого влеченія къ техническимъ занятіямъ. Зачѣмъ я потрачу пять лѣтъ на изученіе предметовъ, которые мнѣ совсѣмъ не нужны и не интересны?

Признаться сказать, я чувствовалъ большой конфузъ во время разговора съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Не виновать онъ, что въ то время въ Баку не было гимназій, что родители отдали его въ реальное училище. Онъ получилъ

среднее образованіе и вдругъ оказывается, что онъ не имѣетъ возможности усовершенствоваться въ тѣхъ наукахъ, къ которымъ чувствуетъ влеченіе.

Бываетъ на оборотъ, въ городѣ есть только гимназія, мальчикъ въ теченіе восьми лѣтъ старательно изучаетъ латинскія спряженія и греческія исключенія, а затѣмъ поступаетъ въ технологическій институтъ, становится техникомъ или инженеромъ и спрашиваетъ себя: къ чему я учился въ гимназій?

Отчего же это происходитъ, что гимназія даетъ очень мало математику, врачу, технику и что изъ реального училища нельзя поступить въ университетъ? Оттого, что средняя школа считается заведеніемъ, подготовляющимъ къ высшему учебному заведенію. Гимназія устроена такъ, что она является младшимъ университетскимъ классомъ и притомъ для меньшинства, потому что большинство поступаетъ на факультеты медицинскій, естественный и юридическій. Гимназія же — главнымъ образомъ млад-

шее отдѣленіе историко-филологическаго факультета, гдѣ обыкновенно бываетъ не больше 3 процентовъ всего студенчества. Но такъ какъ филологу и юристу нужно знать латинскій языкъ, доступъ въ университетъ считается невозможнымъ для реалиста.

Спрашивается однако, правиленъ ли такой взглядъ на среднюю школу, существуютъ ли гимназіи и реальныя училища только для того, чтобы готовить молодежь къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, или для чего-нибудь иного? Надъ этимъ вопросомъ всего меньше думаютъ, а онъ заслуживаетъ большого вниманія. Прежде всего надо знать, для чего существуетъ средняя школа, и тогда только можно отвѣтить на остальные вопросы, чему учить и какъ учить?

Когда отецъ отдаетъ сына въ мастерскую, всякому понятно, для чего учится мальчикъ? Онъ учится сапожному мастерству, чтобы впослѣдствіи сдѣлаться сапожникомъ и зарабатывать себѣ хлѣбъ этимъ ремесломъ

Точно также намъ совершенно ясна цѣль нашихъ техническихъ заведеній. Въ желѣзнодорожномъ училищѣ можно научиться, какъ обращаться съ паровозомъ, и получить мѣсто машиниста. Въ коммерческомъ училищѣ вы познакомитесь съ счетоводствомъ, и вы въ состояніи будете вести торговыя книги. Во всѣхъ этихъ случаяхъ приобретаются полезныя свѣдѣнія, которыя сейчасъ же по окончаніи курса могутъ быть приложены въ жизни.

Совсѣмъ другое гимназія, она не даетъ никакихъ практическихъ знаній и не стремится ихъ давать. Цѣль ея дать своимъ воспитанникамъ общее образованіе, которое принято называть среднимъ. Но и реальное училище тоже не преслѣдуетъ никакихъ практическихъ задачъ, оно одинаково съ гимназіей должно быть среднеучебнымъ заведеніемъ. Выходитъ, что у насъ два образованія, классическое и реальное, но два образованія это нелѣпость и даже сказать этого нельзя. Образованіе не допускаетъ множествен-

наго числа; можно быть только образованнымъ или не образованнымъ человѣкомъ, но нельзя получить два образования. Мы непремѣнно должны прийти къ слѣдующему выводу: или гимназія не даетъ настоящаго образования, или реальное училище не даетъ настоящаго образования, или оба, и гимназія и реальное училище, не дають образования, а представляютъ только заведенія, въ которыхъ чему-то учатся.

Но для чего нужно среднее образование и нужно-ли оно? Школа, говорили въ прежнія времена, должна снабжать учащихся, какъ можно большимъ запасомъ свѣдѣній, чтобы дать имъ возможность зарабатывать впослѣдствіи насущный хлѣбъ и не жить на счетъ общественной и частной благотворительности. Однако, въ настоящее время лучшими педагогами всего міра единодушно признается, что общеобразовательная школа должна строить свой учебный курсъ совершенно независимо отъ тѣхъ профессій, къ которымъ со временемъ обратятся ея питомцы.

Когда изъ гимназіи хотять сдѣлать переходную ступень къ университету, забываютъ, что для большинства общее образование, полученное въ средней школѣ, есть окончательное. Во первыхъ, часть молодежи по недостатку средствъ и другимъ причинамъ не попадаетъ въ высшія учебныя заведенія, нѣкоторые (и такихъ не мало) поступаютъ въ университетъ, но не кончаютъ курса. Во вторыхъ, послѣ гимназіи начинается специализація. Изъ 6600 студентовъ, живущихъ въ Петербургѣ, меньше половины находится въ университетѣ, а свыше 3500 человѣкъ посѣщаютъ спеціальныя институты — технологическій, горный, лѣсной и т. д. Но и въ университетѣ отдѣльные факультеты и особенно самые многочисленные (естественный, математическій, медицинскій) не дають общаго образования. Молодежь приобретаетъ различныя спеціальныя свѣдѣнія, но въ большинствѣ случаевъ общее образование ея останавливается на томъ пунктѣ, до котораго оно дошло въ гимназіи.

Изъ этого слѣдуетъ, что средняя школа имѣетъ свою самостоятельную задачу. Когда молодой человѣкъ окончилъ курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, онъ достигаетъ почти совершеннолѣтія, во всякомъ случаѣ, онъ давно уже не малолѣтній и съ него должна быть снята родительская и всякая иная опека. Получившій аттестатъ зрѣлости перестаетъ быть мальчикомъ, онъ становится членомъ общества, и дѣло средней школы подготовить его къ этой новой, самостоятельной жизни.

Что-же должна дать средняя общеобразовательная школа своимъ воспитанникамъ? Такое умственное и нравственное развитіе, которое было-бы вполне достаточно для дальнѣйшей самостоятельной работы и которое позволило-бы вполне осмысленно относиться къ окружающему насъ міру и къ жизни. Школа должна поднять духовную дѣятельность человѣка, она должна одинаково развивать всѣ стороны нашей души, т. е., умъ, чувство и волю. Умственное разви-

тіе необходимо, чтобы молодой человѣкъ могъ критически относиться ко всему, что онъ будетъ впослѣдствіи слышать и что будетъ читать. Безъ этого развитія, онъ самъ себя не пойметъ, онъ не сумѣетъ выбрать профессію, которая соотвѣтствовала-бы его характеру и способностямъ, не сумѣетъ поставить себѣ цѣли въ жизни. Къ сожалѣнію мы видимъ, что гимназисты сплошь и рядомъ ошибаются, и такимъ образомъ появляются случайные педагоги, пошедшіе по этому пути безъ любви къ дѣлу, случайные математики, неизвѣстно почему избравшіе эту науку. Поступаютъ въ университетъ, потому что такъ полагается, потомъ бросаютъ его и ищутъ какого-нибудь мѣстечка.

Но одного умственного развитія совершенно недостаточно, зрѣлый молодой человѣкъ долженъ имѣть и твердые нравственные убѣжденія. Чтобы быть полезнымъ членомъ общества, необходимо питать гуманные чувства. Школа должна не только учить, но и воспитывать, слѣ-

дуетъ развивать добрыя чувства, внушать отвращеніе къ эгоизму и увеличивать тѣ хорошіе задатки, которые имѣются въ душѣ каждаго мальчика. Въ томъ-то и заключаются настоящія обязанности педагога, этимъ слѣдовало-бы заниматься каждому преподавателю гимназіи.

Какъ только молодой человѣкъ попадетъ въ водоворотъ жизни, онъ сейчас-же наталкивается на множество искушеній, встрѣчается съ людьми безпринципными, готовыми развратить его. Умственное развитіе поможетъ ему раскусить, что это за люди; но онъ подпадетъ вліянію среды, не сумѣетъ устоять противъ соблазна, если не будетъ въ немъ твердой воли.

Слѣдовательно, задача средней школы заключается не въ томъ, чтобы снабдить ученика кое-какими полезными свѣдѣніями, а въ томъ, чтобы сдѣлать изъ него человѣка въ лучшемъ смыслѣ этого слова, чтобы развить въ немъ всѣ его душевныя способности, умъ, сердце и волю.

Если мы съ этой точки зрѣнія посмотримъ на наши учебныя заведенія, мы должны будемъ сказать, что они не исполняютъ своего назначенія, что они даже не ставятъ себѣ подобной задачи. Всякій имѣвшій дѣло со студентами перваго курса, знаетъ, какъ слабо ихъ умственное развитіе. Немудрено, гимназія развиваетъ преимущественно одну сторону нашего ума и наименѣе важную, память. Что-же касается укрѣпленія воли и развитія добрыхъ чувствъ, объ этомъ даже разговора не бываетъ. Кто не слышалъ, какъ жалуется родители, что ихъ сынъ испортился въ учебномъ заведеніи, научился лгать и притворяться?

„Наши школы, — писалъ извѣстный педагогъ г. Каптеревъ (въ журналѣ „Образованіе“) — настолько схоластичны и мертвенны, что онѣ выпускаютъ учащихся безъ всякихъ убѣжденій, безъ всякихъ взглядовъ на жизнь. Онѣ много учатъ языкамъ, довольно математикѣ и много разнымъ другимъ предметамъ, но изъ сообщенныхъ знаній ничего руководя-

щаго извлечь нельзя, такъ они безсвязны и отвлечены, только и годны, что въ школь“.

Значить, школа сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ; не школа для жизни, а дѣтская жизнь приносится въ жертву школь. Въ этомъ-то и заключается капитальная ошибка.

II.

Въ обществѣ очень часто разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: къ чему мнѣ знать, что по мифологическимъ сказаніямъ жили одноглазые циклопы, что Владимиръ Мономахъ умеръ въ 1125 г., что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ? Всему этому меня учили въ гимназій, и все это я давно позабылъ. Я чиновникъ, я долженъ знать нѣкоторые законы, долженъ умѣть писать разныя бумаги, но мнѣ рѣшительно нѣтъ дѣла до того, когда происходило Мараѳонское сраженіе и по какой формулѣ надо вычислять объемъ шара.

Разсужденіе это, если хотите, спра-

ведливо, но въ то же время оно страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ. Фактъ несомнѣнно вѣренъ: мы учимся множеству вещей, которыя въ жизни оказываются совсѣмъ не нужными. Но какія знанія полезны, какія нѣтъ? На этотъ вопросъ невозможно отвѣтить, потому что прежде всего требуется опредѣлить, полезны для кого, для какой дѣятельности? Но мы не знаемъ, кѣмъ будетъ десятилѣтній мальчикъ, поступившій въ гимназію. Инженеръ скажетъ, что полезна ему только математика; студенту-юристу могутъ пригодиться историческія свѣдѣнія, писатель скажетъ, что изъ гимназическаго обученія ему нужна только литература. Если бы захотѣли сдѣлать изъ средне-учебныхъ заведеній такія школы, которыя давали-бы исключительно полезныя свѣдѣнія, пришлось бы создать множество разнообразныхъ школъ, для будущихъ техниковъ, инженеровъ, преподавателей, чиновниковъ, и родители очутились бы въ самомъ затруднительномъ положеніи; они должны были бы

предрѣшать, выйдетъ-ли изъ ихъ сына адвокатъ или философъ.

Такъ какъ цѣль средней школы дать умственное и нравственное развитіе, школа должна быть одна и учиться въ ней надо исключительно тому, что развиваеьтъ разныя стороны ума и сердца. Слѣдовательно, знанія, преподаваемыя въ школахъ, не могутъ быть цѣлью сами по себѣ, а служатъ только матеріаломъ для умственного развитія. Вопросъ сводится къ тому, откуда брать этотъ матеріалъ.

Въ среднеобразовательной школѣ нельзя учить всѣмъ наукамъ, хотя-бы въ элементарной формѣ, потому что нѣкоторыя науки, (напримѣръ, философія, теорія права) недоступны пониманію мальчика и потому, что получилось-бы чрезмѣрное обремененіе учащихся. Надо выбрать нѣсколько предметовъ. Но чѣмъ руководствоваться при этомъ выборѣ? Прежде всего должны быть устранены тѣ предметы, которые не могутъ принести пользы въ дѣлѣ умственного развитія и тѣ, которые ни въ какомъ слу-

чаѣ не могутъ пригодиться въ жизни. Если-бы оказалось, что готтентотскій языкъ служить хорошимъ развивательнымъ средствомъ, мы все-таки должны были-бы поискать, нѣтъ-ли другого языка, болѣе пригоднаго для русскихъ дѣтей. Слѣдовательно, изъ двухъ предметовъ, одинаково важныхъ для умственного развитія, предпочтеніе надо отдать тому, который можетъ понадобиться въ жизни.

Предметы, которымъ можно учить въ гимназіяхъ, достаточно извѣстны: это — языки, исторія, литература, естественныя науки и математика. Изученіе иностранныхъ языковъ въ высшей степени полезно въ видѣ умственной гимнастики, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Переводы съ этого языка на другой — отличное упражненіе для гимназиста; для этого надо освоиться съ строеніемъ и духомъ чужого языка, уразумѣть смыслъ прочитаннаго и передать чужую фразу соотвѣтствующимъ русскимъ оборотомъ. Тутъ мальчикъ учится соображать и размышлять.

Но спрашивается, нужно ли для этого изучать непременно мертвые языки, латинский и греческий? Нельзя ли замѣнить ихъ французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ? Я думаю, что доказательства, приводимыя нѣкоторыми филологами въ пользу мертвыхъ языковъ, не выдерживаютъ критики. Соображенія эти приводятся только потому, что боятся предпринять ломку учебныхъ заведеній, что никакъ не хотятъ отстать отъ рутины. Классическая система завелась въ Европѣ въ эпоху возрожденія, и тогда она имѣла глубокий смыслъ и жизненный интересъ. Необходимо было изучать классическую литературу, потому что не было своей; надо было знать латинскій языкъ, потому что всѣ научныя сочиненія писались по латыни. Европейскіе ученые вынуждены были писать по латыни, новые литературные языки, нѣмецкій, французскій и англійскій, тогда только вырабатывались и не сложились еще окончательно. Съ тѣхъ поръ положеніе измѣнилось, явились новые классическіе

писатели, Мольеръ, Шекспиръ, Шиллеръ и Гете. Они имѣютъ большое преимущество передъ классическими писателями древности, въ эстетическомъ отношеніи они выше Аристофана и Софокла, они ближе къ намъ по времени и понятнѣе. Въ изученіи величайшаго психолога Шекспира и глубокомысленнѣйшаго поэта-философа Гете мы найдемъ богатый матеріалъ для развитія въ ученикѣ гуманныхъ чувствъ. А что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Юноши сплошь и рядомъ кончаютъ гимназію, не прочитавъ ни одной драмы Шекспира, ни одной комедіи Мольера, не имѣя ни малѣйшаго представленія о гетевскомъ Фаустѣ. Знаніе новой литературы для нихъ необязательно, но если они не сумѣютъ отвѣтить, съ какимъ падежомъ сочиняются латинскіе глаголы означающіе помогать, имъ не дадутъ аттестата зрѣлости.

Въ теченіе 8 лѣтъ гимназистъ треть учебнаго времени тратитъ на изученіе тонкостей латинской и греческой грамматики, и что же получается въ резуль-

татъ? Знаеть-ли онъ, по крайней мѣрѣ, древніе языки? На этотъ вопросъ надо отвѣтить: нѣтъ, не знаетъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ молодые люди, удостоенные аттестата зрѣлости, не могутъ читать безъ словаря древнихъ писателей. Въ одномъ университетѣ профессоръ, читающій древнюю исторію, имѣетъ обыкновеніе на экзаменѣ подсказывать кое-что по латыни; студенты почти никогда не понимаютъ того, что онъ говоритъ.

Допустимъ, что изученіе древности не даетъ никакихъ знаній, вѣдь знанія эти все равно не могутъ имѣть практическаго приложенія, получается ли по крайней мѣрѣ полезная гимнастика ума, которую съ такимъ жаромъ защищаль Катковъ, творецъ нынѣ дѣйствующей гимназической системы? Дѣйствительно, продѣлываются какія-то упражненія, но они похожи скорѣе на фокусы акробатовъ, чѣмъ на научную гимнастику. Посмотримъ, какъ готовится урокъ древняго языка? Ученикъ раскрываетъ *Виргилія* и начи-

наеть подбирать въ словарѣ неизвѣстныя ему слова, онъ записываетъ эти слова, заучиваетъ ихъ наизусть и больше ничего не требуется; теперь онъ можетъ смѣло идти въ гимназію и получить удовлетворительную отмѣтку. Въ смыслъ прочитаннаго имъ отрывка ученикъ совсѣмъ не вникаль, и этого не надо. Онъ долженъ перевести латинскую страницу на русскій языкъ буквально, т. е. онъ долженъ вмѣсто каждаго латинскаго слова поставить соотвѣтствующее русское. Дѣлается это совершенно механически. Поэтому если гимназиста, который только что прочелъ страницу по латыни, попросить изложить своими словами прочитанное, онъ не въ состояніи этого сдѣлать, потому что ничего не понялъ. А переводилъ онъ вполне исправно съ гимназической точки зрѣнія. Какая же умственная способность упражняется при такомъ занятіи? Вѣдь исключительно память, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ мыслительнымъ способностямъ. Буквальный переводъ это нѣчто въ высшей степени нелѣпое. Стоитъ

только попробовать переводить съ французскаго такимъ же способомъ, и вмѣсто каждаго французскаго слова поставить непременно какое-нибудь русское, и сейчасъ же убѣдишься, что получится совсѣмъ безсмысленная и не русская фраза. Но гимназисты съ малыхъ лѣтъ привыкають къ такому искусственному набору словъ.

Во всякомъ случаѣ, чтобы съ пользою заниматься чужими языками, надо прежде всего вполне овладѣть роднымъ языкомъ. У насъ же преподаваніе латинскаго языка до самаго послѣдняго времени начиналось съ перваго класса, когда мальчикъ еще не знаетъ русской грамматики. Съ большимъ трудомъ заучиваетъ онъ мудренныя склоненія и спряженія, память его черезчуръ обременяется, силы растрчиваются безо всякаго толка. Очень важно учить соотвѣтствующему предмету во время, если начать слишкомъ рано, отъ этого не будетъ хорошихъ результатовъ. Допустимъ, что классическіе языки преподавались бы только съ четвертаго класса,

успѣли бы учителя пройти тотъ же гимназическій курсъ? Полагаю, что успѣли бы. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, владеющій уже вполне роднымъ языкомъ, усваивалъ бы духъ чужого языка вдвое и даже втроє скорѣе, чѣмъ маленькій мальчикъ, еще совсѣмъ не развитой.

А если бы можно было замѣнить древніе языки новыми, мы приобрѣли бы большую выгоду. Теперь только одинъ изъ новыхъ языковъ обязательенъ для гимназиста, и, какъ извѣстно, французъ и нѣмецъ находятся въ загонѣ, ихъ предметы считаются второстепенными, и никто въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ не научается читать по французски и по нѣмецки. Между тѣмъ, незнаніе языковъ сказывается въ жизни. Человѣка, который не можетъ взять въ руки иностранной книги, нельзя назвать образованнымъ. Невозможно обойтись безъ капитальныхъ научныхъ сочиненій, выходящихъ въ Европѣ; не быть знакомымъ съ изящной литературой, французской, нѣмецкой и англійской, это значитъ имѣть громадный

пробѣль въ образованіи. Мнѣ возразятъ, пожалуй, что великихъ писателей можно читать и въ русскомъ переводѣ. Совершенно вѣрно, но даже хорошій переводъ далеко не замѣняетъ подлинника, а хорошихъ переводовъ у насъ мало. Я пробовалъ читать „Фауста“ по русски, и никогда не находилъ въ переводѣ той красоты и даже той глубины мысли, какая заключается въ нѣмецкихъ стихахъ Гете.

Затѣмъ, если уже довольствоваться переводами, не лучше ли читать Шекспира въ подлинникѣ, а Гомера въ превосходномъ переводѣ Жуковскаго? По окончаніи гимназій ученики все равно никогда не возьмутъ въ руки древнихъ писателей, а въ учебномъ заведеніи ихъ не знакомятъ съ тѣми авторами, которые наиболѣе важны и которые оставили намъ крупное наслѣдіе, дѣйствительно достойное изученія. Авторы эти отчасти писали слишкомъ труднымъ языкомъ, отчасти не доступны для пониманія гимназиста. Оттого совсѣмъ не читаютъ Аристофана,

Аристотеля, Эврипида, почти не читаютъ Платона и Софокла. Значитъ, гимназисты не въ состояніи познакомиться съ самыми выдающимися произведениями древности, и не смотря на множество уроковъ древнихъ языковъ, они все таки не знаютъ классической литературы.

III.

Занятія иностранными языками могутъ принести пользу только при условіи, что ученикъ вполне овладѣлъ родною рѣчью. А наши гимназисты не умѣютъ писать по русски. Это было засвидѣтельствовано Министерствомъ народнаго просвѣщенія нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ одномъ циркулярѣ министерства къ попечителямъ учебныхъ округовъ говорится слѣдующее: „въ поступающихъ въ министерство прошеніяхъ и разнаго рода письменныхъ заявленіяхъ отъ воспитанниковъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, нерѣдко замѣчаются

не только стилистическія, но и грамматическія ошибки, свидѣтельствующія, что этими лицами недостаточно твердо усвоены основныя правила русской грамматики и въ частности орфографіи. Изъ официального отчета объ экзаменахъ зрѣлости видно, что оканчивающіе курсъ гимназіи не справляются съ буквою ѣ, пишутъ „Днепръ“, „цѣрковь“ и совсѣмъ не умѣютъ выражать свои мысли толково и грамотно.

Такое поразительное невѣжество происходитъ отъ разныхъ причинъ, оттого что не умѣютъ преподавать, и оттого что русскій языкъ въ загонѣ, ему удѣляютъ слишкомъ мало времени, и оттого, что классики всячески коверкаютъ русскій языкъ, стараясь приспособить его къ латинскому и греческому.

Казалось бы, что всякому необходимо писать грамотно. Кто не умѣетъ толково изложить свою мысль, того нельзя назвать человѣкомъ развитымъ и образованнымъ. Но среднеучебное заведеніе не даетъ своимъ воспитанникамъ умѣнья

писать, которое требуется отъ ученика городского училища. Какъ назвать подобную школу?

Въ пользу математики, къ счастью, никто не сомнѣвается, и изгнать эту науку изъ среднеучебныхъ заведеній не собираются. За то естествознаніе признается излишнимъ для классика и въ гимназіяхъ совсѣмъ не преподается. Надо думать, что на это нѣтъ достаточныхъ основаній.

Школа, желающая приготовить ученика къ самостоятельной и осмысленной жизни, не должна исключать изъ своей программы зоологію, анатомію и физиологію. Необходимо понять самого себя, нужно знать, что такое человѣкъ, какое мѣсто занимаетъ онъ среди другихъ существъ, каково строеніе его тѣла, какъ матеріальная наша природа отражается на духовной и обратно. Помимо того естествознаніе представляетъ прекрасный матеріалъ для развитія нашего мышленія.

Представьте себѣ, что учитель приходитъ съ какимъ-нибудь растеніемъ и тре-

буеть, чтобы ученикъ опредѣлить, къ какому семейству принадлежить это растеніе. Ученики должны будутъ разсмотрѣть растеніе со всѣхъ сторонъ и замѣтить его особенности, при чемъ, несомнѣнно, развивается ихъ наблюдательность. Далѣе, имъ надо будетъ опредѣлить, въ чемъ сходство и въ чемъ различіе показаннаго имъ растенія съ извѣстными семействами, наконецъ, прийти къ опредѣленному выводу. Это отвлеченіе сходныхъ признаковъ — прекраснѣйшая умственная гимнастика, во время которой ученикъ научается логически думать и дѣлать логически правильное заключеніе.

Такимъ образомъ естественныя науки въ одно и тоже время даютъ знанія, весьма пригодныя въ жизни, и хорошій матеріалъ для умственнаго развитія. Исключены они изъ гимназическаго обученія, потому что нѣтъ времени для естественныхъ наукъ, и не можетъ быть времени, когда ежедневно нужно давать два урока древнихъ языковъ.

Нисколько не отрицая пользы филоло-

гii вообще и изученія иностранныхъ языковъ въ частности, я не думаю, однако, чтобы среднеучебное заведеніе должно было превращаться въ исключительно филологическое. Тогда оно становится не общеобразовательнымъ, а специальнымъ, имѣющимъ цѣлью подготовить будущихъ филологовъ и историковъ. Можетъ быть и такая школа имѣетъ право на существованіе, но не надо дѣлать ее для всѣхъ обязательной и называть ее общеобразовательной.

Въ школѣ, еще не существующей, но желательной, гдѣ на первомъ планѣ будетъ поставлено умственное и нравственное развитіе учениковъ, обученіе будетъ распределено между разными предметами, сообразно со степенью ихъ важности съ указанной точки зрѣнія. Изученіе иностранныхъ языковъ будетъ поставлено въ надлежащія рамки и не будетъ мѣшать ни естествознанію, ни исторіи, ни, тѣмъ болѣе, родному языку.

Я полагаю, что будущія программы будутъ эластичны и будутъ только при

близительно указывать на курсъ, который долженъ быть пройденъ въ среднеучебномъ заведеніи. Преподаване-живое дѣло и нельзя подгонять его подъ искусственно созданный шаблонъ. Учителямъ должна быть предоставлена большая свобода дѣйствія.

Теперь они стѣснены въ двухъ отношеніяхъ; во-первыхъ они обязаны пройти опредѣленный курсъ непременно въ такомъ-то классѣ, во-вторыхъ они должны руководствоваться навязаннымъ имъ учебникомъ.

Но уровень учениковъ колеблется по городамъ и по классамъ. Въ иныхъ случаяхъ представлялось-бы возможнымъ пройти въ нынѣшнемъ году больше, чѣмъ полагается по программѣ; преподаватель не въ правѣ этого сдѣлать. Въ другихъ случаяхъ наоборотъ намѣченная программа оказывается явно обременительной для учащихся; преподаватель не имѣетъ права сократить ее. Иногда составъ класса очень хорошъ, преобладаютъ способные мальчики и совсѣмъ нѣтъ ту-

пицъ; иногда неспособные ученики составляютъ большинство. Составъ класса зависитъ также отъ среды, изъ которой вышли ученики. Большая разница имѣть дѣло съ мальчикомъ, который дома слышитъ разговоры развитыхъ людей, пользуется отцовской библіотекой, читаетъ Пушкина и Гоголя, или съ мальчикомъ, который дома никогда не видитъ книги и живетъ въ обществѣ лавочниковъ и безграмотныхъ сверстниковъ. Преподаватель долженъ былъ-бы принимать во вниманіе всѣ эти разнообразныя условія и приравливать программу къ каждому данному случаю. Но къ сожалѣнію программа такъ высоко поставлена, что на нее никакъ нельзя посягнуть, надо во что-бы то ни стало исполнить ее. Въ состояніи-ли ученики заучить все то, что полагается, или не въ состояніи, все равно. Не получится-ли въ результатѣ только полузнаніе, которое хуже незнанія, это не принимается въ расчетъ. Разъ навсегда данъ шаблонъ, и онъ долженъ годиться для всѣхъ случаевъ жизни.

Шаблонная программа и шаблонный учебникъ, — ничѣмъ инымъ не долженъ руководствоваться преподаватель. Выборъ ему предоставленъ крайне ограниченный, потому что учебникъ долженъ быть одобренъ и часто выбрать бываетъ не изъ чего. Учитель можетъ очутиться въ трагическомъ положеніи. Онъ рекомендовалъ извѣстный учебникъ, онъ учитъ по этому учебнику, и въ то же время, чувствуетъ, что учитъ онъ совсѣмъ не тому, чему нужно. Не можетъ онъ постоянно исправлять книгу, не можетъ говорить, что въ учебникѣ множество ошибокъ. Тогда мальчики спросятъ, почему они обязаны заучивать такую плохую книгу? На этотъ вопросъ у учителя не найдется подходящаго отвѣта, и авторитетъ учебника будетъ окончательно подорванъ.

Чѣмъ лучше преподаватель, тѣмъ положеніе его хуже, чѣмъ больше онъ знаетъ самъ, тѣмъ больше испытываетъ давленіе шаблоннаго учебника. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависимость отъ обяза-

тельной книги особенно тягостна, это испытываетъ напримѣръ, всякій историкъ. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ по необходимости учатъ по Иловайскому. Но въ этой книгѣ есть многое, чего бы могло и не быть, и нѣтъ того, что составляетъ самую сущность исторіи. Знающій и развитой учитель, вынужденный руководствоваться Иловайскимъ, понимаетъ, что онъ учитъ только хронологіи и безсвязному набору фактовъ. Ученики не получаютъ ни малѣйшаго представленія о культурной исторіи, о тѣхъ идеяхъ, которыя развивались въ прошломъ, о связномъ и послѣдовательномъ ходѣ событій, составляющемъ суть исторіи. Поэтому, одинъ профессоръ исторіи рассказывалъ мнѣ, что когда онъ начиналъ свою карьеру и состоялъ преподавателемъ средне-учебнаго заведенія, онъ соглашался учить чему угодно, но только не исторіи.

IV.

Можно составить великолѣпную про-

грамму, а преподаваніе пойдет все-таки неуспѣшно. Вопросъ заключается не только въ томъ, чему учить, а прежде всего въ томъ, какъ учить.

Въ былыя времена на это дѣло смотрѣли очень просто. Учитель бралъ учебникъ и показывалъ: отъ этого мѣста до этого, т. е. онъ приказывалъ выучить наизусть столько-то страницъ. Затѣмъ педагогъ проявлялся вновь и провѣрялъ, зазубрилъ-ли ученикъ все, какъ слѣдуетъ. Заучивалась наизусть и географія, и исторія, и ариѳметика.

Мы не очень далеко ушли отъ стариннаго метода. Уроки нашихъ средне-учебныхъ заведеній можно раздѣлить на два сорта. Одинъ урокъ преподаватель объясняетъ, а въ слѣдующій разъ спрашиваетъ учениковъ. Объясняетъ, это значитъ—своими словами рассказываетъ то, что напечатано въ учебникѣ; спрашиваетъ, это значитъ—слушаетъ, какъ ученикъ рассказываетъ напечатанное въ учебникѣ и поправляетъ его, если онъ отвѣчаетъ не такъ. Вѣрнѣйшій способъ по-

лучить пятерку это заучить учебникъ наизусть.

Когда учитель объясняетъ, классъ обыкновенно не слушаетъ, потому что не интересуется предметомъ и потому что рассчитываетъ найти слова учителя въ учебникѣ. Когда учитель спрашиваетъ одного изъ учениковъ, остальные тоже не слушаютъ. Отсюда ясный выводъ: въ учебномъ заведеніи дѣлается очень мало, а главная работа, выпадающая на долю ученика производится имъ дома. Въ классѣ только провѣряются знанія, а приобрѣтаются они во время заучиванія заданныхъ уроковъ.

Отсюда и происходитъ одно прискорбное явленіе. Только ученики, одаренные способностями выше среднихъ, довольствуются гимназическимъ преподаваніемъ, потому что они и безъ посторонней помощи могутъ уразумѣть учебникъ; только такіе мальчики справляются легко съ заданными уроками. А ученики со средними способностями нуждаются въ репетиторахъ. Между тѣмъ, репети-

торство—это величайшее зло. Дѣло репетитора заключается въ томъ, чтобы мальчикъ получалъ приличныя отмѣтки и кое-какъ перешелъ въ слѣдующій классъ. Какимъ образомъ будетъ достигнутъ этотъ результатъ, родителямъ безразлично, и ихъ нельзя винить за небрежное отношеніе къ дѣтямъ. Если сынъ мой не кончитъ курса, я не дамъ ему возможности зарабатывать кусокъ хлѣба, если придется взять его изъ гимназій, онъ погибшій человѣкъ. Чтобы спасти его будущность, приходится жертвовать не только деньгами, но и развитіемъ мальчика. Репетиторъ можетъ только дрессировать своего ученика, но не учить его. Невозможно продѣлать вечеромъ все то, что должно было-бы быть сдѣлано въ теченіе пяти гимназическихъ уроковъ. Надо прежде всего заучить заданныя уроки и приготовить письменныя работы. Репетиторъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы мальчикъ механически зазубрилъ разныя исключенія, а потомъ онъ начинаетъ рѣшать вмѣстѣ съ нимъ ариѳметическія за-

дачи, писать вмѣстѣ съ нимъ сочиненіе. Мальчикъ окончательно отвыкаетъ отъ всякой самостоятельной работы; думать ему самому не надо, потому что думать за него репетиторъ, а онъ, какъ попугай, повторяетъ чужія мысли. Ученикъ не старается преодолѣть затрудненій, встрѣчающихся при работѣ. Зачѣмъ ломать себѣ голову, когда репетиторъ обязанъ объяснить?

При теперешней системѣ обученія репетиторы спасаютъ мальчиковъ, но при надлежащемъ преподаваніи они оказались бы лишними и перестали бы существовать. Ничего не можетъ быть неудачнѣе современной манеры только задавать и провѣрять знанія. Развѣ это называется преподавать и развивать учениковъ?

Настоящій преподаватель долженъ проходить свою науку въ школѣ такимъ образомъ, чтобы мальчику ничего не приходилось заучивать дома. Сдѣлать это вполне возможно. Урокъ долженъ превратиться въ живую бесѣду, во время

которой учитель объясняет и наводит учениковъ на раскрытіе тѣхъ истинъ, которыя имъ слѣдуетъ знать. На домъ же надо задавать, какъ можно, меньше и только такія работы, въ которыхъ должна проявляться самостоятельность ученика.

Если бы у насъ слѣдовали такой системѣ, гимназисты могли бы относиться къ своимъ обязанностямъ вполне добросовѣстно и даже находили бы время для занятия искусствами. Музыка и живопись облагораживаютъ юношество, развиваютъ его вкусъ, отвлекаютъ отъ водки и кафешантана, а потому должны были бы входить въ кругъ общеобразовательныхъ предметовъ

А при теперешней системѣ развивается недобросовѣстность. Мальчикъ готовить уроки только тогда, когда онъ ожидаетъ быть спрошеннымъ; онъ не чувствуетъ себя въ силахъ каждый день заучивать все заданное. Въ классѣ ученикъ старается не слушать. Это не лѣнь, а приспособленіе къ обстановкѣ.

Если бы онъ напрягалъ свое вниманіе въ теченіе пяти часовъ, въ результатъ получилось бы крайнее переутомленіе. Всякій педагогъ согласится, что требовать невозможнаго, это въ высшей степени не педагогично, это дѣйствуетъ на мальчиковъ развращающимъ образомъ.

Однако, не смотря на малую успѣшность классныхъ занятій, наши гимназисты все таки страдаютъ переутомленіемъ; объ этомъ печальномъ явленіи много говорятъ въ послѣднее время, но какъ будто не умѣютъ устранить его.

Мальчики стараются какъ можно меньше напрягать свое вниманіе, но все таки они должны высидѣть пять часовъ подрядъ въ плохо вентилированной комнатѣ. Отсутствіе движенія и испорченный воздухъ дѣйствуютъ удручающимъ образомъ на молодой организмъ. Помочь этой бѣдѣ совсѣмъ не такъ трудно.

Мы заимствовали у нѣмцевъ всѣ недостатки ихъ классической системы, но

не заимствовали у них самого лучшаго, двухчасового перерыва для обѣда. Говорятъ, что въ Германіи большинство гимназій находится въ маленькихъ городахъ, и мальчики могутъ ходить въ школу по два раза въ день. Но и у насъ разстоянія даже въ столицахъ совсѣмъ не такъ велики; въ большинствѣ случаевъ дѣтей отдаютъ въ ближайшую гимназію. Очень желательно было бы, чтобы уроки начинались въ 9 часовъ и продолжались до 12 часовъ; затѣмъ мальчики уходили бы домой и являлись бы вновь въ школу не раньше 2 часовъ, съ тѣмъ чтобы прослушать еще два урока. Тогда отъ нихъ можно было бы требовать внимательнаго отношенія къ дѣлу.

На сколько я знаю, противъ такого нормальнаго порядка всегда протестовали преподаватели и по очень понятной причинѣ. Обѣденный перерывъ и обязанность являться въ школу два раза въ день лишали бы ихъ возможности давать частные уроки, которые при настоящемъ положеніи вещей имъ совершенно не-

обходимы. Жить на скудное казенное содержаніе почти невозможно, особенно людямъ семейнымъ; является надобность искать посторонній заработокъ. Но пять уроковъ въ учебномъ заведеніи и затѣмъ исправленіе тетрадей, это совершенно достаточная работа. Когда преподаватель вынужденъ давать еще частные уроки, онъ переутомляется и переутомленіе его, выражающееся и въ вялости, и въ раздраженіи, отзывается на ученикахъ. При такой матеріальной необеспеченности не возможно хорошее преподаваніе; поневолѣ превратишься въ машину, старающуюся производить только крайне необходимую работу, что-бы не истощить окончательно мозговъ и не попасть въ домъ для умалишенныхъ раньше чѣмъ выслужилъ пенсію.

О переутомленіи учителей у насъ совсѣмъ не говорятъ, а между тѣмъ, это вопросъ первостепенной важности. Казенное мѣсто должно обеспечивать педагога на столько, чтобы онъ не нуждался въ постороннемъ заработкѣ, имѣлъ воз-

возможность отдыхать, посещать театр и покупать книги. Переутомленный учитель не въ состояніи бесѣдовать съ учениками, онъ всегда будетъ только спрашивать заданное и повторять то, что напечатано въ учебникѣ и что, разъ навсегда, имъ заучено наизусть.

V.

Рутинa глубоко въѣлась въ нашу жизнь, въ школьную жизнь особенно. Не смотря на самые убѣдительные доводы, боясь разстаться со старыми порядками, нужны десятки лѣтъ, чтобы отбросить какую нибудь бесполезную мелочь, не говоря уже о коренныхъ реформахъ.

Къ такимъ вещамъ, которыя дѣлаются больше по привычкѣ, чѣмъ по необходимости относятся экзамены и отмѣтки.

Шестнадцать лѣтъ тому назадъ я доказывалъ, что безъ экзаменовъ очень легко обойтись въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, и писалъ тогда слѣдующее:

Среднеучебныя заведенія имѣютъ, по нашему мнѣнію, двоякую цѣль, во пер-

выхъ, дать ученикамъ извѣстное развитие, именно такое, чтобы они могли самостоятельно заниматься наукою; во-вторыхъ, ознакомить ихъ съ элементарными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ знанія, безъ которыхъ не можетъ обойтись образованный человѣкъ. Очевидно, экзамены никакъ не могутъ служить первой цѣли. Они производятся только для общей оцѣнки, насколько ученикъ усвоилъ фактической матеріалъ, преподаанный ему въ теченіе года, и для того, чтобы дать ученику случай повторить курсъ. Учитель спрашиваетъ учениковъ ежедневно, выставляетъ имъ ежедневно отмѣтки и средней годовой баллъ выражаетъ ученическія познанія гораздо лучше, чѣмъ экзаменационный, являющийся часто совершенно случайно. Преподаватели среднеучебныхъ заведеній, относящіеся сколько-нибудь внимательно къ своему дѣлу, отлично знаютъ, какой ученикъ достаточно освоился съ преподаанными въ текущемъ году науками, чтобы продолжать образованіе, какой не успѣлъ этого свѣ-

лать; они знают даже гораздо больше, имъ хорошо извѣстно, что Ивановъ не заучилъ такого-то параграфа грамматики, а Петровъ никакъ не могъ понять такой-то теоремы. Поэтому на экзаменахъ случается зачастую, что преподаватель вывозитъ ученика, тщательно обходя вопросы, на которые онъ не сумѣлъ-бы отвѣтить, или, наоборотъ, рѣшивъ заранее, что мальчика слѣдуетъ оставить въ классѣ, экзаменуешь его изъ части курса, оставшейся непонятой. Полагаю, что большинство учителей согласится со мной, что для нихъ самихъ экзамены бесполезны.

Полезны-ли они учащимся? Къ каждому экзамену дается нѣсколько дней подготовки, и въ эти нѣсколько дней ученики стараются выполнить пробѣлы, допущенные ими въ году. А такіе пробѣлы существуютъ у всѣхъ, даже самыхъ лучшихъ; происходятъ они оттого, что никто не готовитъ уроковъ ежедневно, а занимаются только наканунѣ того дня, когда ожидаютъ быть спрошенными. И

вотъ во время экзаменовъ начинается лихорадочная дѣятельность; это настоящая пытка для учащихся и ихъ родителей. Даже первые ученики просиживаютъ ночи за учебниками, думая какъ-бы отличиться другъ передъ другомъ и получить награду. Малоспособные, но прилежные точно также стараются заучить то, чего никакъ не могли запомнить, и понять, чего не понимали. Такая усиленная дѣятельность, происходящая весною, когда дѣтямъ слѣдовало-бы гулять, и дышать свѣжимъ воздухомъ, вредно отзывается на ихъ здоровьѣ. Въ умственномъ отношеніи они ничего не приобретаютъ. Многимъ дѣйствительно удается знать довольно много на экзаменѣ; но то, что скоро заучивается, забывается такъ же скоро. Стараются взять памятью, зазубрить; вникнуть въ смыслъ того, что учать, — не хватаетъ времени. Но механическое запоминаніе совершенно бесплодно и забывается такъ скоро, что уже на другой день послѣ экзамена ученикъ не помнитъ того, что прекрасно

зналъ наканунѣ. Выигрываютъ отъ экзаменовъ только способные лѣнтяи. Они учатся въ теченіе года на столько, чтобы ихъ не выгнали изъ заведенія, разсчитывая поправить свои дѣла весною. Дѣйствительно, получая ежедневно неудовлетворительныя отмѣтки, по крайней мѣрѣ на половину, они часто удовлетворительно выдерживаютъ экзамень и переходятъ въ слѣдующій классъ. Они предпочитаютъ ничего не дѣлать цѣлый годъ и усиленно заниматься въ теченіе мѣсяца, разсчитывая, что имъ попадетъ легкій билетъ или вывезетъ ассистентъ; ассистенты, какъ извѣстно, обыкновенно гораздо снисходительнѣе экзаменаторовъ.

Намъ могутъ возразить, что экзамены нужны не столько для контроля надъ учениками, сколько для контроля надъ учителями. Но никто не мѣшаетъ директору или высшему начальству прійти на любой урокъ и устроить экзамень безъ подготовки. Разница будетъ только въ томъ, что въ данномъ случаѣ желающіе убѣдятся въ истинныхъ познаніяхъ уче-

никовъ, какія у нихъ имѣются, вообще, а не въ исключительный день экзаменовъ.

На мою газетную статью въ то время конечно никто не обратилъ вниманія, но постепенно мысль о бесполезности экзаменовъ овладѣла умами учебного начальства и педагоговъ и теперь дозволено переводить учениковъ изъ класса въ классъ, не подвергая ихъ испытаніямъ.

Сохраняются почему то выпускные экзамены и конечно только въ силу рутины, которая не можетъ быстро разставаться со своимъ прошлымъ. Представляется, будто нельзя дать свидѣтельство объ окончаніи курса безъ экзамена. Но развѣ для аттестата недостаточно годовыхъ отмѣтокъ, выведенныхъ за цѣлыхъ восемь лѣтъ? Развѣ эти цифры не представляютъ, согласно нынѣ дѣйствующимъ взглядамъ современно достаточнаго и справедливаго основанія для сужденія объ успѣхахъ ученика? Почему же одинъ экзамень лучше восьмилѣтняго опыта?

Вопросъ иной, нужны ли отмѣтки, и

не слѣдуетъ ли отмѣнить выставленіе балловъ?

Два года тому назадъ попечитель петербургскаго округа приглашалъ родителей высказаться по важнѣйшимъ вопросамъ средней школы. Скептики говорили, что родители къ подобной дѣятельности не годятся, что они плохо подготовлены и въ педагогикѣ ничего не смыслятъ.

Положимъ, отцы и матери не изучали методики всевозможныхъ наукъ и педагогической психологіи, за то они знаютъ обыкновенную психологію своихъ дѣтей и могутъ рассказать кое-что, о чемъ въ школѣ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія. Они въ правѣ быть недовольны, если мальчикъ просидѣлъ до двѣнадцати часовъ ночи за латинскими исключеніями, если онъ добросовѣстно зубрить, а его все-таки плохо аттестуютъ.

Конечно, родители—публика, но публичное обсужденіе общихъ интересовъ не можетъ сдѣлать вреда.

На очередь поставленъ былъ вопросъ

объ отмѣткахъ. Спрашивалось, нельзя ли совсѣмъ обходиться безъ единицъ, двоекъ и даже пятерокъ?

Этотъ важный починъ не далъ однако никакихъ результатовъ педагоги ходили немного растерянные: они неясно представляютъ себѣ, какъ это не выставять никакихъ балловъ.

— Допустимъ, — говорилъ мнѣ одинъ очень почтенный, но не молодой преподаватель, — мнѣ запретить выставять отмѣтки въ журналъ; для себя я-же долженъ отмѣчать гдѣнибудь, какъ отвѣчалъ ученикъ? Ну, буду писать въ записной книжкѣ „хорошо“, „неудовлетворительно“. Я преподаю въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-же я могу помнить, кто какъ отвѣчалъ.

И онъ, конечно, правъ. При теперешней системѣ отмѣтки необходимы. Преподаватель провѣряетъ, выучили-ли мальчики заданное имъ на домъ? На эту провѣрку уходитъ большая часть учебнаго года, и безъ соотвѣствующихъ отмѣ-

токъ сама провѣрка теряетъ всякій смыслъ.

Можетъ даже хуже выйти. Никакихъ баловъ не будутъ ставить и тогда объявятъ, что безъ переходныхъ экзаменовъ обойтись нельзя. На какомъ основаніи переводить изъ класса въ классъ? Теперь-же экзамены, по крайней мѣрѣ—для сносныхъ учениковъ упразднены. А испытанія письменныя и устныя, по моему мнѣнію, большее зло, чѣмъ отмѣтки.

Многіе родители тоже находятъ, что теперешняя аттестация необходима. При очень распространенномъ у насъ недоверіи ко всѣмъ и каждому, разсуждаютъ такъ. Мой сынъ будетъ всецѣло въ рукахъ преподавателей, среди которыхъ попадають люди раздражительные и несправедливые. Мнѣ скажутъ, вотъ мальчикъ лѣнился весь годъ, онъ не понималъ заданныхъ уроковъ, онъ плохо писалъ сочиненія, а потому долженъ остаться въ классъ на второй годъ. Гдѣ-же доказательства? Родители не имѣютъ никакого контроля надъ учителями. А какъ уло-

вить моментъ, когда ученикъ становится малоуспѣшнымъ и когда нужно пригласить натаскивателя, т.-е. репетитора?

При этомъ забываютъ, что отмѣтки доказываютъ очень мало и представляютъ субъективную оцѣнку преподавателя. Педагоги очень различно относятся къ цифрамъ. Получить у одного пятерку такъ же трудно, какъ у другого тройку. Значитъ, нельзя одинаково хвалить за всякую четверку и оставлять безъ сладкаго за всякую двойку. А можно-ли слѣдить за развитіемъ мальчика на основаніи отмѣтокъ?

Отмѣтки необходимы, — увѣряютъ защитники теперешней манеры, — потому что они возбуждаютъ соревнованіе. Мальчики стараются выказаться одинъ передъ другимъ. Бѣга невозможны безъ призовъ. Лѣнтяи зачастую учатся только потому, что имъ совѣстно получать двойки. Люди склонны къ лѣни, имъ нужно искусственное возбужденіе. Слѣдовательно—отмѣтки необходимы, это своего рода кнутъ.

Въ давно прошедшія, но блаженныя

времена педагогическія возрѣнія и педагогическіе приемы отличались своей первобытной простотой. За провинности и единицы, накопившіяся въ теченіе недѣли, пороли по субботамъ, и дѣлали это совсѣмъ не по жестокости, а съ прекрасными намѣреніями. Были глубоко убѣждены, что порка исправляетъ лѣнтяевъ. Розгу исключили изъ учебныхъ заведеній, но отъ вѣковыхъ предразсудковъ отдѣлаться трудно, и все еще представляется, что нуженъ какой-то кнутъ. Въ такомъ-же родѣ взрослые труженики подбадриваютъ себя водкой и, разрушая ткани, воображаютъ, что приносятъ пользу своему организму.

Единицы боятся, это безспорно, но не всѣ въ равной степени. Такъ же, какъ пятерки имѣютъ совершенно различное значеніе, и единицы обладаютъ далеко не одинаковою степенью внушительности. Одинъ мальчикъ блѣднѣетъ при видѣ прямой черты, другой взираетъ на нее равнодушно. Есть родители, которые не обращаютъ никакого вниманія на отмѣтки,

а есть такіе, которые экзекуціи совершаютъ. Когда преподаватель беретъ въ руки журналъ, онъ долженъ помнить, что къ одному можно относиться очень строго, а къ его товарищу слѣдуетъ быть понисходительнѣе, ибо съ того двѣ шкуры сдерутъ. Какъ-же тутъ соблюсти справедливость? Въ большинствѣ случаевъ не знаютъ, что продѣлывается съ мальчиками дома, а знать это полезно.

Имѣющіе дѣтей хорошо знаютъ, что гимназисты учатся искусствамъ, музыкѣ, пѣнію, танцамъ безо всякихъ отмѣтокъ и относятся къ дѣлу старательно. Какъ-же объяснить этотъ контрастъ? Лѣнтяй нуждается въ кнутѣ, когда онъ учится ариметикѣ, а когда онъ беретъ частный урокъ музыки, ему не нужно никакихъ письменныхъ аттестацій. У меня есть маленькая дѣвочка. Она безъ всякаго поужденія влѣзаетъ каждый день на пѣлюю кипу переплетенныхъ нотъ и самымъ добросовѣстнымъ образомъ заставляетъ свои пальчики бѣгать по клавишамъ.

Старательна она по очень простой причинѣ: музыка интересуеъ ее.

Во всякомъ дѣлѣ есть скучная, техническая сторона. Играть гаммы надоѣдаетъ, но ребенокъ понимаетъ, что безъ такихъ упражненій онъ не въ состояннн сыграть пьесы, которая ему нравится. Скука легко преодолевается, когда есть общій интересъ къ дѣлу, и когда на скучное смотреть, какъ на переходную ступень къ интересному.

И наукой дѣти способны ревностно заниматься, безо всякихъ искусственныхъ побужденій. Въ юго-западномъ краѣ, напримѣръ, школы не пользуются особеными симпатіями населенія. Но я знаю одну, которая до такой степени переполнена, что ученики готовы и стоять, и другъ на другѣ сидѣть, лишь-бы ихъ приняли. Школа эта—не въ примѣръ другимъ, потому что тутъ исключительный учитель. Онъ занимается также преподаваніемъ у помѣщиковъ, и дѣти считаютъ его урокъ праздникомъ и стараются продержать его какъ можно дольше. Этотъ

почтенный, хотя и неизвѣстный, педагогъ обходится безъ отпѣтокъ.

Но мнѣ думается, что уничтоженіе отпѣтокъ должно быть не началомъ новой эры, а вѣнцомъ ея. При теперешней системѣ преподаванія баллы необходимы; значить, надо измѣнить сначала самую систему.

А для этого требуется много новшествъ, и прежде всего должны появиться новые педагоги. Нужно не задавать и спрашивать, а учить, разъяснять и развивать. Не въ приготовленнн урока будетъ тогда суть преподаванія, а въ самихъ урокахъ. Все существенное должно дѣлаться въ классѣ, а не дома. Дѣтямъ почти ничего задавать не будутъ, а замѣнъ того они будутъ принимать дѣятельное участіе въ классныхъ объясненіяхъ. При помощи учителя они сами будутъ приходить къ нужнымъ имъ выводамъ, съ неослабввающимъ интересомъ будутъ они слѣдить за преподаваніемъ. Но само собою разумѣется, что напряженное вниманіе и настоящая умствен-

ная работа невозможны въ теченіе пяти часовъ подрядъ.

Обязанности будущихъ педагоговъ сдѣлаются гораздо труднѣе. Невозможно будетъ ограничиваться пересказомъ учебника и спрашиваніемъ заданнаго. Возбуждать интересъ къ наукѣ способны только люди, чувствующіе признание педагога.

Когда посѣщеніе школы будетъ доставлять дѣтямъ удовольствіе, отмѣтки незамѣтно отойдутъ въ область преданія.

Иногда толчокъ дается свыше и реформа всетаки не осуществляется, потому что реформаторъ наталкивается на узколюбость и рутинерство тѣхъ самыхъ людей, которые должны ввести реформу. Германскій императоръ давно уже указывалъ на необходимость произвести коренное преобразование средней школы, и вотъ десять лѣтъ, какъ дѣло тормозятъ директора и преподаватели.

Совершенно естественно, что они не желаютъ никакихъ новшествъ. Если введутъ новую систему преподаванія, нельзя

будетъ ограничиться новыми программами и новыми учебниками, потребуются и новые люди. Педагоги, прослужившіе 10—20 лѣтъ, погрязшіе въ рутинѣ, окажутся негодными, а кто же желаетъ подкапываться подъ самого себя и доказывать собственную бесполезность?

Въ недавно изданномъ циркулярномъ предложеніи Министерства Народнаго Просвѣщенія Попечителямъ учебныхъ округовъ (отъ 15 августа 1902 г.) сказано между прочимъ:

„Опредѣленіе часа для начала ежедневныхъ уроковъ предоставляется усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, съ утвержденія учебно-окружного начальства“.

Въ Петербургѣ педагоги постановили: пусть все остается по старому. А кажется давно слѣдовало бы измѣнить расписание и упразднить пятичасовое сидѣнье въ гимназіяхъ.

Желательно, чтобы среди педагоговъ появлялись молодые и свѣжія силы, чтобы поощряли не людей добронравныхъ

и тупоумныхъ, а преимущественно талантливыхъ.

Талантливымъ, какъ извѣстно, можно только родиться, а нельзя сдѣлаться, но средній уровень преподавателей находится въ зависимости отъ того высшаго образования, какое они получаютъ.

На преподаваніи въ средней школѣ отражаются университеты, и едва ли можно сказать, что высшее образованіе не требуетъ въ свою очередь коренного преобразования.

О высшемъ образованіи.

I

Высшимъ образованіемъ называютъ у насъ разныя вещи. Институты технологической, горной, сельскохозяйственной и политехникумы считаются высшими учебными заведениями наравнѣ съ университетами. И тутъ и тамъ даются одинаковыя права по службѣ, а вѣдь этими правами въ Россіи все измѣряется.

Однако, между такъ называемыми высшими специальными учебными заведениями и университетами большая разница. Въ первыхъ студенты приобрѣтаютъ практическія знанія, приложимыя въ жизни. Университетъ же не имѣетъ цѣлю дать какія бы то ни было практическія знанія, а долженъ давать только теоретическое образованіе.

И, дѣйствительно, химикъ окончившій

университетскій курсъ, не годится для завода, и даже юристъ, желающій сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ или прокуроромъ, долженъ учиться адвокатурѣ и практически упражняться въ качествѣ кандидата на судебныя должности.

Молодой человѣкъ, прошедшій специальное учебное заведеніе, получилъ высшія техническія знанія, но не получилъ высшаго образованія, университетъ же не можетъ давать этихъ техническихъ знаній.

Такимъ образомъ, являются два разряда людей, изучившихъ высшія науки. Люди, которые умѣютъ строить мосты, дома, желѣзныя дороги, готовить краски для ситца, обрабатывать рудники, то-есть люди, занимающіеся матеріальной культурой, и съ другой стороны люди, изучившіе литературу, философію, юриспруденцію, знающіе отвлеченныя науки, не имѣющія практическаго приложенія въ жизни.

Несомнѣнно, что человѣчество не можетъ обходиться безъ дѣятелей, зани-

мающихся усовершенствованіемъ матеріальной культуры, удешевленіемъ ситцевъ, примѣненіемъ электричества, ускореніемъ движенія поѣздовъ, изобрѣтеніемъ всякихъ матеріальныхъ удобствъ, но несомнѣнно также, что не въ этихъ физическихъ подробностяхъ заключается смыслъ жизни. Нельзя дѣлать кумира изъ матеріи и своего тѣла.

А въ чемъ же искать смыслъ жизни? Хотя на этотъ вопросъ не разъ отвѣчали философы, едва ли кто нибудь даль вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, высшее образованіе имѣетъ единственную цѣль подойти къ разрѣшенію этой самой общей и важной задачи.

Жизнь выше знаній и образованія. Думается — это безспорная истина. Знанія сами по себѣ, образованіе само по себѣ не имѣютъ никакой цѣны; знанія и образованіе приобрѣтаютъ цѣну только въ примѣненіи къ жизни.

Высшее образованіе должно дать пониманіе жизни—въ этомъ его цѣль и един-

ственный его смысл. Поэтому учить можно всему тому, что ведетъ къ высшему философскому пониманію жизни.

А вся жизнь складывается изъ трехъ понятій: человекъ, общество, природа.

Человекъ, какъ отдѣльная личность, со всѣми его способностями тѣлесными и душевными, отношенія людей между собой экономическія, юридическія, нравственныя, явленія природы и отношенія природы къ человеку—все это предметы, достойные изученія.

А главнѣйшія науки, ими занимающіяся—физиологія, психологія, логика, политическая экономія, право, этика, исторія, философія, антропология и другія естественныя науки въ своихъ главныхъ чертахъ.

Чтобы слушатель университета приобрѣлъ возможно полное и широкое пониманіе жизни онъ долженъ приобрести способность размышлять самостоятельно, логически думать и критически относиться ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ. Оттого-то и математика имѣетъ свое и

довольно существенное значеніе. Математика не наука, а методъ изслѣдованія, наиболѣе прямолинейный и правильный. Знакомиться съ нимъ для ума то же, что гимнастика для тѣла.

Многое изъ того, что преподается теперь въ университетахъ, можетъ показаться ненужнымъ и бесполезнымъ, напримеръ, бытъ и понятія древнихъ грековъ или исторія философіи, подробное изложеніе запутанныхъ метафизическихъ системъ, давно признанныхъ неудовлетворительными.

Если прилагать къ университетамъ ту же мѣрку, какая прилагается къ специальнымъ учебнымъ заведеніямъ, пожалуй, всѣ науки оказались бы ненужными.

Юристу практику не зачѣмъ знать римское право: вѣдь защищая или обвиняя убійцу, онъ будетъ раскрывать русскій сводъ законовъ, а не римскіе кодексы. Самый ревностный столоначальникъ не можетъ сдѣлать никакого употребленія изъ знанія категорическаго императива

Канта и не напишетъ отъ этого лучше входящей или исходящей бумаги.

Изъ программы технологическаго института слѣдуетъ исключить все то, что не имѣетъ практическаго примѣненія, но нелѣпо было бы такъ же поступить съ университетскимъ преподаваніемъ.

Пусть исторія философіи только исторія ошибокъ человѣческаго ума. Поучительно знать, какъ въ исканіи правды ошибался человѣкъ.

Точно также литература, исторія цивилизаціи и исторія права важны не сами по себѣ, не тѣми фактами, которые въ нихъ содержатся. Намъ нужно знакомиться не съ отдѣльными событиями, а съ путемъ, пройденнымъ человѣческимъ умомъ, начиная съ глубокой древности.

Хотя у насъ нѣтъ ни одной этической системы, общепризнанной и заключающей въ себѣ абсолютную истину, хотя на самыя общіе юридическіе вопросы (что такое право, напримѣръ) даются разные и даже противорѣчивые отвѣты, тѣмъ не менѣе этика и энциклопедія права до-

стойны изученія. Эти науки заставляютъ насъ поразмыслить о самыхъ существенныхъ сторонахъ жизни, почему мы считаемъ нравственнымъ тотъ или иной поступокъ, какъ возникаетъ законъ, имѣютъ ли право нѣсколько человѣкъ навязывать законъ остальной массѣ.

Слѣдовательно, всѣ предметы, выясняющіе законы природы, бросающіе свѣтъ на отдѣльную личность и общество, должны входить въ общее образованіе.

На практикѣ, однако, нѣтъ учебнаго заведенія, гдѣ можно было бы получить такое общее образованіе. Для этого надо было бы пройти всѣ факультеты, потому что отдѣльные университетскіе факультеты даютъ только часть общаго образованія.

На одномъ изучаются только законы природы, на другомъ — только общественныя отношенія, на третьемъ — только математика, на четвертомъ — преимущественно человѣкъ, какъ отдѣльная личность и исторія общества.

Есть еще два факультета, которые по

недоразумѣнію причислены къ университетамъ,—это факультетъ медицинскій и факультетъ восточныхъ языковъ. Оба эти факультета даютъ практическія знанія, а потому представляютъ высшія спеціальныя школы, а не общеобразовательныя.

На факультетѣ восточныхъ языковъ изучаются языки турецкій, персидскій, китайскій, и знаніе этихъ языковъ важно только въ практическомъ отношеніи, потому что намъ нужны переводчики въ Турціи, Персіи, Китаѣ.

На медицинскомъ факультетѣ обращено вниманіе исключительно на изученіе человѣческаго тѣла, и цѣль его—научить искусству врачеванія.

Есть одинъ признакъ, по которому сразу можно отличить спеціальныя учебныя заведенія, дающія практическія знанія, отъ университета, гдѣ слушатели должны получать высшее теоретическое образованіе.

Въ первыхъ необходимо выдавать дип-

ломы, въ университетѣ можно было бы обходиться безъ дипломовъ.

II.

Спеціальныя учебныя заведенія не могутъ обходиться безъ диплома, только дипломъ придаетъ имъ смыслъ.

Молодой человѣкъ хочетъ приобрѣсти извѣстныя знанія, которыя сами по себѣ не имѣютъ никакой цѣны. Знанія эти приобрѣтаютъ значеніе только тогда, когда они примѣняются на практикѣ, а примѣнять ихъ на практикѣ нельзя дозволить всякому, потому что неумѣлая практическая дѣятельность грозитъ опасностью всему обществу.

Въ самомъ дѣлѣ, если архитекторъ построить домъ противъ всѣхъ правилъ строительнаго искусства, инженеръ не укрѣпить должнымъ образомъ желѣзнодорожнаго моста, то изъ-за невѣжества техниковъ можетъ погибнуть множество людей. Хирургъ тоже долженъ быть въ достаточной мѣрѣ подготовленъ, чтобы можно было довѣряться его ножи.

Профаны не могут судить о познаніяхъ и способностяхъ архитектора, инженера и врача. Только специалисты могут сказать, обладаетъ ли данное лицо достаточными специальными познаніями.

А потому профессора специальныхъ учебныхъ заведеній, подготовляющіе студентовъ къ извѣстной практической дѣятельности, должны выдавать имъ удостовѣреніе, что они успѣшно прошли курсъ, къ практической дѣятельности дѣйствительно подготовлены и могутъ примѣнять свои познанія безъ опасности для общества.

Совсѣмъ иное происходитъ или, по крайней мѣрѣ, должно было бы происходить въ университетахъ.

Писатели различныхъ политическихъ направленій не разъ доказывали, что въ университетѣ можно было бы обходиться безъ диплома.

Я тоже всегда держался этого мнѣнія и 10 лѣтъ тому назадъ, когда я былъ доцентомъ Московскаго университета, я

говорилъ на одной изъ своихъ публичныхъ лекцій:

„Многіе привыкли къ мысли, что образованіе тѣсно связано съ чинами и орденами; новъ подобномъ разсужденіи кроется недоразумѣніе. Университетъ и дипломъ совсѣмъ не такъ неразрывно связаны, какъ это кажется.

„Профессора не учатъ, какъ писать отношенія и донесенія, куда наклеивать гербовыя марки и проч., а все это необходимо знать чиновнику. Можно было бы придумать другую школу, болѣе подходящую для чиновничьей карьеры. Право на чинъ, право занимать государственныя должности служить только помѣхой высшему образованію. Въ университетъ поступаютъ многіе, относящіеся совершенно равнодушно ко всякой наукѣ, только изъ желанія получить дипломъ, а затѣмъ тепленькое мѣстечко. Интересно, конечно, купить дипломъ какъ можно дешевле, т. е. заниматься какъ можно меньше.

„Университетское преподаваніе пре-

вратилось въ чтеніе лекцій, по большей части, не посѣщаемыхъ студентами, и въ заучиваніе литографированныхъ записокъ. Чтобы выдать дипломъ, нужны отмѣтки, нуженъ экзаменъ, эта мучительная и для студентовъ и для профессоровъ операція.

„Оцѣнить общее развитіе отмѣткой невозможно, нужно требовать извѣстныхъ знаній; приходится давать дипломъ тому, кто механически запомнилъ положиву или три четверти словъ, сказанныхъ профессоромъ, какъ бы ничтожно ни было развитіе экзаменующагося. Наоборотъ, студентъ, много думавшій и работавшій, но недостаточно потрудившійся надъ записками, можетъ остаться безъ диплома. Если бы университетъ не былъ первымъ шагомъ въ чиновничьей карьерѣ, можетъ быть, нѣкоторые и не поступали бы туда, но зато поступающіе занимались бы наукой съ любовью, не имѣя въ виду награды въ видѣ мѣста столоначальника.

„Можетъ быть, тогда количество людей съ высшимъ образованіемъ уменьшилось

бы, но качество ихъ было бы значительно выше, и тѣ немногіе, которые предались бы наукѣ ради ея самой, а не ради практическихъ цѣлей, сдѣлали бы для человечества больше множества прослушавшихъ кое-какъ профессорскія лекціи, получившихъ дипломъ и затѣмъ навсегда отвернувшихся отъ науки, какъ отъ чего-то, что хорошо для школьниковъ и что необходимо въ юности, потому что того требуетъ начальство. (О современномъ положеніи женщины, стр. 16).

Въ университетскомъ преподаваніи существуетъ, несомнѣнно, коренное противорѣчіе.

Цѣль университета дать молодому человѣку умственное развитіе, научить его самостоятельно работать и, главнымъ образомъ, правильно и съ высшей философской точки зрѣнія относиться ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ. А дипломъ выдается за достаточное знаніе нѣкоторыхъ специальныхъ наукъ.

Является студентъ, великолѣпно рассказываетъ наизусть тексты римскихъ

законовъ, затѣмъ также удачно повторяетъ слова другихъ профессоровъ, и ему выдаютъ дипломъ образованнаго юриста. А собственно говоря, что доказалъ экзаменуемый? Только одно, что у него хорошая память.

Допустимъ, что онъ плохо понимаетъ самую важную и развивающую юридическую науку, энциклопедію и философію права, но добросовѣстно зазубрить разныя книжки, и ему все таки обязаны выдать дипломъ на званіе ученаго юриста съ высшимъ образованіемъ, хотя бы у него не было ни малѣйшаго умственного развитія. Вѣдь и тупица можетъ въ теченіе четырехъ лѣтъ заучить наизусть нѣсколько учебниковъ.

Оттого-то нерѣдко встрѣчаешь въ обществѣ людей, которые какъ будто никогда не были въ университетѣ, а на самомъ дѣлѣ у нихъ есть всякіе дипломы.

Въ наукѣ, въ преподаваніи, въ жизни вообще множество предрасудковъ, отъ которыхъ человѣчество отдѣляется съ большимъ трудомъ. Къ такимъ пред-

разсудкамъ относится убѣжденіе, будто дипломъ не можетъ выдаваться иначе, какъ на основаніи экзамена. Экзамень— проверка знаній, и выходитъ такъ, что дипломъ— это аттестатъ, выдаваемый хорошей памяти, и больше ничего.

Очевидно, что университетское преподаваніе могло бы обходиться безъ подобныхъ аттестатовъ, и что человѣкъ, добивающійся высшаго образованія и взамѣнъ того получающій подобную аттестацию, получаетъ, собственно говоря, свидѣтельство умственной бѣдности.

Университеты должны были бы просить, чтобы ихъ освободили отъ раздачи дипломовъ и ввели у насъ государственныя экзамены.

Но, скажутъ мнѣ, государственныя экзамены у насъ давно введены. Правда, они существуютъ на бумагѣ и по названію, на самомъ же дѣлѣ это прежніе университетскіе экзамены.

Въ такъ называемой государственной комиссіи экзаменуютъ тѣ же самые профессора, которые читаютъ лекціи, и, не-

смотря на печатныя программы, экзаменуютъ по своимъ литографированнымъ запискамъ или по своимъ учебникамъ.

Первоначальная идея заключалась въ томъ, что въ комиссію будутъ назначаться предсѣдатель и члены, не читающіе лекцій въ данномъ университетѣ. Но скоро оказалось, что у насъ нѣтъ экзаменаторовъ не профессоровъ, способныхъ экзаменовать по университетскому курсу. Предсѣдателями назначаютъ тоже профессоровъ, только перемѣщая ихъ изъ одного университетскаго города въ другой. А такъ какъ членовъ комиссіи полагается меньше, чѣмъ читается предметъ, то на отдѣльные экзамены приглашаются соотвѣтствующіе профессора, преподававшіе ту или иную науку. Ни предсѣдатель, ни прочіе члены, слѣдуя университетскимъ традиціямъ, не вмѣшиваются въ экзаменъ своихъ коллегъ, и, такимъ образомъ, такъ называемыя государственныя экзамены сводятся къ прежнимъ университетскимъ экзаменамъ и ничѣмъ отъ нихъ не отличаются.

Жизнь сильнѣе уставовъ, и если бы у насъ захотѣли ввести настоящіе государственныя экзамены, можетъ быть, фактически все таки остались бы при нынѣ дѣйствующей системѣ.

Допустимъ, университеты перестали бы выдавать дипломы, и экзамены производились бы при поступленіи на службу въ министерствахъ.

Тогда могли бы произойти два случая. Въ министерствѣ, пожалуй, сказали бы: представьте намъ доказательство, что вы прошли такой то факультетъ и знаете науки, которыя тамъ преподаются. Слѣдовательно поступающій на службу вынужденъ былъ бы просить, чтобы его подвергли экзамену въ университетѣ.

Или въ министерствѣ, за неимѣніемъ компетентныхъ лицъ, начали бы приглашать для производства государственныхъ экзаменовъ профессоровъ, а послѣдніе стали бы, конечно, требовать знанія прочитанныхъ имъ лекцій.

Итакъ, если до поры до времени невозможно устранить дипломы, пусть уни-

верситеты выдаютъ аттестаты объ успѣшномъ окончаніи курса, но пусть для выдачи аттестатовъ найдутъ иное, болѣе прочное основаніе, чѣмъ экзамены.

III.

Засѣдающей теперь комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній предложенъ, между прочимъ, такой вопросъ: какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ занятіямъ и поднять уровень получаемого ими университетскаго образованія?

Въ этомъ вопросѣ заключается уже критика нынѣ дѣйствующей системы. Очевидно, студенты занимаются не особенно усердно, и уровень университетскаго образованія не высокъ.

По старому уставу 1863 г. посѣщеніе лекцій студентами не было обязательно, по крайней мѣрѣ никто за этимъ не слѣдилъ, и я знаю богатыхъ помѣщиковъ, которые, числясь студентами Петербургскаго университета, большую часть год

проводили у себя въ деревнѣ и являлись только на экзамены. Въ тѣ времена бывало нерѣдко, что студентъ видѣлъ своего профессора въ первый разъ на экзаменѣ, и освѣдомлялся, кто собственно экзаменаторъ и кто ассистентъ.

По нынѣ дѣйствующему уставу студенты обязаны ходить на лекціи, и инспекція должна слѣдить за этимъ, въ дѣйствительности же студенты отсутствуютъ такъ-же, какъ прежде. И если бы они не отсутствовали, университеты были бы поставлены въ большое затрудненіе. Зданія рассчитаны на неаккуратность студентовъ, и аудиторіи не въ состоянii вмѣстить и половины слушателей, числящихся на бумагѣ.

Что уровень университетскаго образованія не высокъ, съ этимъ тоже нельзя не согласиться. Но не оттого это происходитъ, что профессора недостаточно требовательны, а оттого, что требованія ихъ обращены не въ надлежащую сторону.

Университетское преподаваніе сведено

почти исключительно къ чтенію лекцій, и вотъ причина, почему занятія студентовъ не особенно усердны и уровень университетскаго образованія не высокъ.

Само собою разумѣется, что полицейскими мѣрами невозможно помочь бѣдѣ. Можно было бы заставить студентовъ сидѣть въ аудиторіи, но не мыслимо принудить ихъ слѣдить за словами профессора.

Въ 80-хъ годахъ петербургскій университетъ посѣщаль одинъ студентъ-японецъ, получавшій отъ своего правительства большую стипендію. Деньги свои японецъ прокучивалъ, но лекціи посѣщаль очень аккуратно, потому что жилъ въ посольствѣ и боялся, что его лишатъ стипендіи. Аккуратность его заключалась въ томъ, что онъ забирался на самую послѣднюю скамейку и тамъ спалъ въ буквальномъ смыслѣ слова.

Лѣтъ 50 тому назадъ, всѣ мало-мальски порядочные студенты ходили въ университетъ и записывали лекціи. Эти записки дома приводились въ порядокъ и необхо-

димо было, по меньшей мѣрѣ, понять профессорскія слова и подумать надъ ними.

Но въ то время студентовъ было мало, книгопечатаніе стоило гораздо дороже, тектографы совсѣмъ не существовали и литографіи не были въ такомъ ходу, какъ теперь. Какъ только студентовъ стало много, напр., по нѣскольку сотъ юристовъ на каждомъ курсѣ, они додумались, что чѣмъ каждому записывать лекціи и тратить безъ особенной пользы много труда, гораздо проще посадить стенографа, который записывалъ бы профессорскую рѣчь слово въ слово, и затѣмъ издавать эти записки при помощи литографіи, въ нужномъ количествѣ экземпляровъ. Такимъ образомъ, профессоровъ замѣнили машиной.

И сами профессора, въ значительной степени, виноваты въ такой невыгодной для нихъ замѣнѣ. Они требовали, и теперь требуютъ, отъ студентовъ только одного, — знанія своихъ лекцій. Ясно, что въ такомъ случаѣ бумага можетъ замѣ-

нить профессора, и можно не ходить на лекціи, а заучивать дома литографированныя записки. При этомъ получается еще экономія времени. Если только ходить на лекціи, все равно не выдержишь экзамена, надо дома готовить урокъ, какъ готовить гимназистъ. Разница только въ томъ, что гимназиста каждый мѣсяцъ спрашиваютъ, а студента разъ въ годъ.

Вмѣстѣ со мною былъ на первомъ курсѣ петербургскаго университета одинъ очень ревностный товарищъ, и прочелъ онъ по психологіи столько книгъ, указанныхъ намъ на лекціяхъ, что я даже удивился. Несомнѣнно, что онъ великолѣпно зналъ психологію, но сдѣлалъ одно упущеніе, не обращалъ никакого вниманія на литографированныя записки. А профессоръ у насъ былъ довольно бездарный и совсѣмъ не философъ, хотя и читалъ философію; онъ требовалъ, чтобы его лекціи знали почти слово въ слово. Мой товарищъ хорошо зналъ, что говорятъ разные иностранные ученые, которыхъ въ концѣ-концовъ только повторялъ нашъ

профессоръ, но онъ не помнилъ, что именно и въ какой дозѣ заимствовалъ г. профессоръ, и въ результатъ получилъ онъ только тройку, а настоящіе зубрили имѣвшіе самое смутное понятіе о психологіи вообще, но заучивавшіе профессорскія слова, аттестовались высшей отмѣткой.

Въ тѣ времена намъ читали о Гусѣ три профессора съ разныхъ точекъ зрѣнія: одинъ съ точки зрѣнія православной, другой—съ славянофильской, третій—съ точки зрѣнія протестанскаго историка. Изъ чувства самосохраненія мы на экзаменѣ рассказывали тоже самое на разные лады.

Система чтенія лекцій и особенно система заучиванія лекцій, очевидно, устарѣла и требуетъ обновленія. Система эта пригодна только въ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; тамъ отъ молодого чловѣка ничего не требуется, кромѣ извѣстныхъ знаній, на которыхъ должна основываться его практическая дѣятельность. А высшее образованіе не можетъ

заключаться въ знаніи нѣсколькихъ книжекъ.

Профессора читають, или полный курсъ своей науки, какъ это, обыкновенно, дѣлають юристы, или часть курса, какъ это практикуется у историковъ и философовъ.

Если изъ года въ годъ читать исторію русскаго права, гражданское или уголовное право, естественно, что приходится говорить то же самое. Поэтому опытные студенты берутъ обыкновенно въ руки курсъ своихъ предшественниковъ и слѣдятъ, не прибавилъ ли или не выбросилъ ли чего профессоръ, и въ такомъ нѣсколько исправленномъ видѣ переиздаютъ прошлогоднія записки. Многие профессора — юристы, прослуживъ нѣсколько лѣтъ университетской наукѣ, печатають свои курсы, и тогда имъ ничего не остается другого, какъ повторять съ кафедръ свой учебникъ.

Подробное изложеніе части курса имѣетъ также существенные недостатки. Профессора, обыкновенно, читають не

то, что всего важнѣе, а излагають тѣ вопросы, которыми они специально занимаются. Изъ новой исторіи читали въ одномъ университетѣ только исторію революціи и исторію Пруссіи, въ другомъ занимаются исключительно реформацией. Изъ среднихъ вѣковъ одинъ профессоръ читаетъ только социальную исторію Англии, другой — только Карла Великаго. Въ результатѣ изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса.

Говорять, что книга не можетъ замѣнить живого слова, и это правда. Когда лекцію читаетъ увлекающійся и краснорѣчивый лекторъ, онъ способенъ сильно дѣйствовать на аудиторію. Но краснорѣчивыхъ профессоровъ, читающихъ нѣчто новое, а не давно заученныя слова, у насъ немного, и на нихъ не можетъ быть основано университетское преподаваніе.

А что же представляетъ чтеніе лекцій при обыкновенныхъ условіяхъ?

Студентъ сидитъ въ аудиторіи и слушаетъ, онъ часто не понимаетъ профессора, особенно на первомъ курсѣ, но

переспросить не смѣтъ. Современное преподаваніе сводится къ запоминанію, къ упражненію памяти.

• Если лекціи допустимы и желательны, то, во всякомъ случаѣ, не въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь читаются. Онѣ должны давать только матеріалъ для обсуждения, для размышленія.

Профессоръ прочелъ лекцію и ушелъ, слушатель старается ее запомнить и повторить на экзаменахъ, тѣмъ дѣло и ограничивается. Но это совсѣмъ не преподаваніе, и при такой системѣ высшее образованіе остается пустымъ звукомъ.

Профессора должны работать вмѣстѣ съ студентами, всякая лекція должна служить темой для обсуждения. Профессоръ долженъ читать лекціи лишь въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ сообщить какія нибудь мысли, когда онъ желаетъ освѣтить съ высшей философской точки зрѣнія какія-нибудь явленія прошлой или настоящей жизни.

Не только студенты должны слушать профессоровъ, но и профессора должны

слушать студентовъ. Между ними долженъ происходить обмѣнъ мыслей и взглядовъ.

Обсужденіе матеріала, доставленнаго профессоромъ, дастъ слушателямъ умственное развитіе и снабдитъ ихъ не знаніемъ нѣсколькихъ книжекъ, а дѣйствительно высшимъ образованіемъ.

Но совмѣстная работа профессора со студентами невозможна въ аудитории, гдѣ нѣсколько сотъ студентовъ. Читать лекцію можно толпѣ въ тысячу человѣкъ, но совмѣстно работать можно только съ 20—30 студентами.

Слѣдовательно, если когда нибудь университетское преподаваніе измѣнится, придется или разбивать студентовъ на группы, какъ это дѣлается теперь въ лабораторіяхъ, и каждую группу поручить отдѣльному преподавателю, или же учредить новые университеты. Назначить въ каждый изъ существующихъ университетовъ тройное число профессоровъ или основать новые университеты, это

въ смыслѣ расхода безразлично, а послѣднее было бы желательнѣе.

По моему мнѣнію очень хорошо было бы учредить высшія общеобразовательныя школы въ маленькихъ городахъ, отличающихся здоровымъ климатомъ и дешевой визной.

Очень большія пространства нашего обширнаго отечества (напр. вся юго-восточная Россія и Кавказъ) не имѣютъ высшихъ учебныхъ заведеній, и оттого является искусственное скопленіе молодежи въ немногихъ университетскихъ центрахъ. Уроженцы Крыма, Кавказа, Земли Войска Донского, губерній Подольской, Волинской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Астраханской, вынуждены по окончаніи гимназическаго курса покидать родину. Многіе съ удовольствіемъ остались бы дома особенно уроженцы юга, привыкшіе къ теплomu климату, къ морю и горамъ и переѣзжающіе только по необходимости въ суровый Петербургъ или Москву. Многимъ было бы тогда гораздо легче кончить

университетскій курсъ, потому что есть бѣдные родители, которые могутъ прокормить своихъ дѣтей, но которые не въ состояніи посылать имъ 25 рублей въ мѣсяць.]

Если когда-нибудь признаютъ, что необходимо учредить новые общеобразовательныя факультеты и что для успешныхъ занятій необходимо разбить курсъ на отдѣленія, то вѣроятно придутъ къ заключенію, что всего проще основать новые университеты въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и на западѣ и на востокѣ и на югѣ.

Когда рѣчь заходитъ о новомъ университетѣ, сейчасъ представляютъ себѣ новый миллионный расходъ и при недостаткѣ средствъ дѣло должно быть отложено на неопредѣленный срокъ.

Но высшія общеобразовательныя школы, рассчитанныя на небольшое количество студентовъ, не стоили бы такъ дорого. Для нихъ не нужно было бы ни лабораторій ни дорогого обзаведенія; небольшого зданія съ шестью аудито-

ріями было бы совершенно достаточно, а для преподаванія не потребовалось бы больше 15 профессоровъ.

Такія высшія школы надо было бы открыть въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ жизнь дешева и климатическія условія лучше, чѣмъ въ нашихъ университетскихъ городахъ. Отъ этого несомнѣнно выиграли бы и профессора и студенты и провинціальныя города.

Мнѣ могутъ возразить, что если открыть университеты въ маленькихъ городахъ, и профессора и студенты умрутъ съ голода. Профессора нуждаются въ постороннемъ заработкѣ, и студенты тоже въ большинствѣ случаевъ ничего изъ дому не получаютъ и зарабатываютъ деньги уроками, перепиской и идр.

Что профессора вынуждены искать постороннихъ занятій, это большое несчастіе, которое прекратилось бы съ основаніемъ высшихъ школъ въ маленькихъ городахъ. Въ такомъ случаѣ ихъ по необходимости пришлось бы вполне обезпечить. Допустимъ, что имъ усилить

содержаніе на 50% и ординарный профессоръ будетъ получать 4500 руб. Для дорогой столичной жизни этого мало. Но если вмѣсто 1000 руб. за квартиру профессору придется платить только 400 руб., а вмѣсто 16 коп. за фунтъ мяса только 10 коп., то содержаніе въ 4500 руб., получаемое въ маленькомъ городѣ, будетъ равносильно 7 тысячамъ въ Москвѣ.

Часть студентовъ нашла бы нѣкоторый заработокъ и въ провинціальныхъ городахъ, другая часть должна была бы получать стипендіи. Чтобы спокойно заниматься, и преподаватели и слушатели должны быть вполне обезпечены это само собой разумѣется. Голодный желудокъ плохой совѣтчикъ, и онъ способенъ доводить людей до преступленія.

Если бы нашлись средства открыть двадцать высшихъ школъ въ небольшихъ городахъ, университетскій вопросъ, принявшій въ послѣднее время такой острый характеръ, былъ бы быстро разрѣшенъ.

Въ каждомъ мѣстѣ слушателей было бы сравнительно немного, и профессора составляли бы со студентами одну научную семью. Тогда возстановилось бы довѣріе къ преподавателямъ, которое такъ пошатнулось въ послѣдніе годы.

Отъ этого въ значительной степени выиграли бы провинціальныя города. Въ нихъ появились бы новыя умственныя силы, которыя надолго сохранились бы и, получивъ здѣсь воспитаніе, не стремились бы въ столицы. Города гордились бы своими университетами, и университеты оживляли бы города, которые теперь справедливо называютъ мертвыми.

Въ этихъ маленькихъ умственныхъ центрахъ была бы ключомъ настоящая умственная жизнь, тихая, спокойная, а не безпорядочная суতোлка, царящая въ столицахъ.

IV.

Комиссія по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній должна отвѣтить

также на слѣдующій вопросъ: „Какъ должны быть поставлены должности ректора и декановъ? Въ частности, какія неудобства представляетъ ректоръ по назначенію правительства и какія преимущества можетъ имѣть ректоръ, избранный профессорскою комиссіею?“

Вопросъ сводится къ тому, слѣдуетъ ли вернуться къ старому уставу и предоста-вить университетамъ самоуправленіе или нѣтъ?

Въ настоящую минуту составъ преподавателей не измѣнился бы отъ того, будутъ ли ихъ выбирать профессора или назначать министерство, и вотъ почему. Каѳедръ больше, чѣмъ желающихъ занять ихъ профессоровъ, многія каѳедры въ провинціальныя университетахъ пустуютъ. Только что объявленъ конкурсъ въ кievскомъ университетѣ на освободившуюся тамъ каѳедру всеобщей исторіи, и подали заявленіе три лица, изъ которыхъ двое состоятъ профессорами другихъ университетовъ, а третій—приватъ-доцентъ. Слѣдовательно, если

этотъ третій не будетъ назначенъ въ тотъ или иной университетъ, гдѣ-нибудь останется незанятою одна изъ важнѣйшихъ кафедръ историко-филологическаго факультета.

Но положеніе это, надо надѣяться, измѣнится, и тогда не будетъ безразлично, какимъ путемъ будутъ замѣщаться университетскія кафедры.

Профессорскіе выборы имѣютъ также свою дурную сторону, какъ все человѣческое. Дурная сторона заключается въ томъ, что у профессоровъ является пристрастіе къ своимъ ученикамъ, что карьера молодого ученаго зависитъ отъ ученой протекціи. И хотя эта протекція ученоя, а не иная какая, но все-таки наука должна быть свободна отъ всякой протекціи. При профессорскихъ выборахъ легко можетъ случиться, что вполне достойный молодой человѣкъ, окончившій, положимъ, курсъ въ петербургскомъ университетѣ и случайно не находящій тамъ примѣненія своимъ знаніямъ и своему таланту (потому, напр., что въ дан-

ную минуту его кафедра занята молодыми профессорами, и ему пришлось бы ждать лѣтъ двадцать), не будетъ принятъ въ московскій университетъ, потому что тамъ есть свои и не хотятъ, чтобы чужой отнялъ мѣсто у своихъ.

Но пока люди не станутъ безпристрастными и будутъ любить лесть и низкопоклонство, до тѣхъ поръ всякіе выборы будутъ сопровождаться нежелательными явленіями.

Во всякомъ случаѣ, у насъ, въ Россіи, только профессора могутъ быть компетентными судьями въ оцѣнкѣ научныхъ работъ и имъ должно быть предоставлено право высказывать свое мнѣніе по этому вопросу.

Если университеты даютъ начинающимъ ученымъ степени магистра и доктора, то, естественно, они же должны пополнять профессорскую коллегію, и этимъ достигается, по крайней мѣрѣ, извѣстное единодушіе профессорской корпораціи, необходимой для ея успѣшной дѣятельности.

Вредно отзывается и на преподаваніи и на отношеніяхъ университета каго начальства къ студентамъ, когда на засѣданіяхъ факультетскихъ и на засѣданіяхъ университетскаго совѣта разгораются страсти и сводятся личные счеты между профессорами.

А въ послѣднее время это происходитъ нерѣдко, и слишкомъ часто большинство профессоровъ находится въ оппозиціи къ деканамъ и ректору.

Наблюдается слѣдующая печальная картина. Съ одной стороны, дѣйствуютъ ректоръ, деканы, инспекція, съ другой стороны имъ противодѣйствуютъ профессора. Послѣдніе, зачастую, явно и открыто не одобряютъ поведенія ректора и декана, ихъ обращенія со студентами; образуется союзъ нѣкоторыхъ профессоровъ со своими слушателями, направленный противъ старшихъ профессоровъ (ректора и декана).

Къ сожалѣнію, ректоръ и деканъ потеряли значеніе старшихъ, не въ смыслѣ возраста, конечно, а въ смыслѣ почитаемыхъ лицъ.

Борьба лицъ правительственныхъ съ антиправительственными внутри университета прекратится, какъ только профессорамъ возвращено будетъ самоуправленіе. Тогда и деканы, и ректоръ во всѣхъ трудныхъ минутахъ жизни будутъ находить поддержку въ большинствѣ профессоровъ, и тогда только будетъ проявляться совокупное воздѣйствіе профессоровъ на студентовъ.

Необходимо, чтобы ректоръ и деканы были облечены довѣріемъ профессорской корпораціи, необходимо, чтобы одинъ профессоръ не отзывался съ презрѣніемъ о своемъ товарищѣ при студентахъ. Профессора должны быть дѣйствительно товарищами, деканъ и ректоръ — только старшими товарищами, и тогда въ студенчествѣ опять поднимется уваженіе къ своимъ преподавателямъ.

V.

Желательно, чтобы университеты были самостоятельны, чтобы они не зависѣли

отъ случайныхъ вѣяній, отъ вкуса и расположенія духа отдѣльныхъ лицъ.

Такая самостоятельность не можетъ быть достигнута безъ матеріальной обезпеченности и духовной независимости.

Комиссія предстоитъ отвѣтить на слѣдующій вопросъ: „Въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено штатное содержаніе профессоровъ, при которомъ они, не обременяя себя посторонними университету занятіями, получили бы возможность отдать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ, и не только читать лекціи, но и дѣятельно вести практическія занятія со студентами“.

Министерство сознаетъ, что теперешнее матеріальное положеніе профессоровъ не удовлетворительно, и съ этимъ всѣ согласны.

Нетрудно предсказать, что если это положеніе не измѣнится къ лучшему въ ближайшемъ будущемъ, у насъ скоро совсѣмъ не будетъ профессоровъ, и, по-

жалуй, придется выписывать нѣмцевъ изъ Берлина.

Дѣйствительно, при теперешнихъ условіяхъ нужно большое самопожертвованіе, чтобы сдѣлаться ученымъ. Ни одна профессія не требуетъ такой продолжительной подготовки и ни одна не вознаграждается такъ плохо.

По окончаніи университетскаго курса и не раньше какъ черезъ два года надо выдержать экзамень на магистра и тогда получаешь право зачислиться приват-доцентомъ, то есть право читать лекціи безъ всякаго вознагражденія. Далѣе, надо написать диссертацию, на что требуется тоже года два безвозмезднаго труда, послѣ всего этого получаешь, наконецъ, степень магистра, каковая степень по теперешнему уставу никакихъ преимуществъ не даетъ. Чтобы занять каеедру экстраординарнаго профессора, надо написать еще толстую книгу и получить степень доктора.

Между окончаніемъ университетскаго курса и защитой докторской диссертации

не можетъ пройти меньше 6—7 лѣтъ, обыкновенно проходить болѣе 10 лѣтъ. Слѣдовательно, такъ-называемый молодой ученый, примѣрно 35 лѣтъ, получаетъ, наконецъ, штатное содержаніе въ 2,000 рублей. Это приблизительно та сумма, съ которой процвѣтающіе въ столицахъ чиновники начинаютъ свою карьеру.

Собственно говоря, надо быть богатымъ человѣкомъ, чтобы выдержать такой продолжительный искусь, а у насъ богатые люди рѣдко занимаются наукой. Оттого то изъ 10 студентовъ послѣдняго курса, рѣшившихся слѣлаться учеными, только одному, дѣйствительно, удается занять профессорскую каѳедру. Многие по необходимости даютъ столько уроковъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, что не успѣваютъ одолѣть все то множество книгъ, которыя надо знать для магистерскаго экзамена.

Не разъ указывали на то, что слѣловало-бы отмѣнить одну изъ нашихъ ученыхъ степеней, что въ Германіи, напримеръ, только одна ученая степень доктора,

которая дается тамъ легче, чѣмъ у насъ степень магистра.

На это возражаютъ, что если отмѣнить одну изъ ученыхъ степеней, у насъ будетъ вдвое меньше научныхъ сочиненій; защитивъ докторскую диссертацию, наши профессора перестаютъ писать, а теперь всякій долженъ написать по крайней мѣрѣ двѣ книги.

Многіе профессора дѣйствительно перестаютъ издавать ученія изслѣдованія, потому что они заняты посторонними, совсѣмъ не университетскими дѣлами. А такія занятія происходятъ отъ ихъ бѣдности. Люди науки по необходимости исправляютъ обязанности не только библіотекарей (на что собственно не требуется высшаго образованія), но даже секретаря биржевого комитета.

Въ виду этого комиссіи предложенъ вышеупомянутый вопросъ, и на него, вѣроятно, отвѣтятъ, что штатное содержаніе профессоровъ должно быть увеличено вдвое и вотъ на какомъ основаніи.

Въ началѣ 20-го вѣка профессора по-

лучаютъ то же, что получали они въ шестидесятихъ годахъ, а жизнь съ тѣхъ поръ вздорожала по крайней мѣрѣ вдвое. Слѣдовательно, если желаютъ, чтобы университетскіе преподаватели находились въ томъ-же положеніи, въ какомъ они были при введеніи устава 1863 года, экстраординарному профессору надо назначить четыре тысячи рублей, ординарному—шесть.

Такое содержаніе поставило бы профессоровъ въ болѣе независимое положеніе, чѣмъ они находятся теперь. Они могли-бы довольствоваться университетской каѳедрой и не унижались бы никакими дальнѣйшими искательствами.

Но этого мало, ученое сословіе должно стремиться къ полнѣйшей нравственной и умственной самостоятельности. Заслуги передъ наукой не могутъ оцѣниваться чинами, орденами и титулами. Тутъ нужна иная мѣрка.

Служеніе научнымъ интересамъ и пользѣ юношества не нуждается въ подобныхъ поощреніяхъ. Ученымъ неприлично

думать объ обыкновенной карьерѣ и мечтать о томъ, какъ-бы поскорѣе перескочить со ступеньки на ступеньку вплоть до высокихъ титуловъ. Мундиры и другія матеріальныя украшенія не къ лицу людямъ науки. Погоня за внѣшними отличіями ставить людей въ зависимость отъ отдѣльныхъ лицъ, заставляетъ ихъ поддѣлываться и подлаживаться.

Если профессора хотятъ достигъ истинной самостоятельности, они должны просить, чтобы ихъ освободили отъ всякихъ почестей. Единственный знакъ отличія, которымъ они могутъ гордиться—это репутація талантливыхъ, трудолюбивыхъ, честныхъ служителей науки.

Можетъ быть, это оттолкнетъ нѣкоторыхъ честолюбцевъ, которые видятъ въ наукѣ не цѣль, а только средства для достиженія разныхъ благъ земныхъ. Тѣмъ лучше. Пусть студенты никогда не видятъ на каѳедрѣ профессоровъ, прислуживающихся, раболѣпствующихъ, боящихся говорить правду.

Люди независимые не отличаются тру-

состью, а трусость, добродѣтель рабовъ, не нужна въ обществѣ настоящихъ гражданъ.

VI.

Если бы университеты не раздавали дипломовъ, студенты не были бы стѣснены программами и экзаменами и могли бы слушать любой курсъ на любомъ факультетѣ, они могли бы такимъ путемъ составить себѣ собственный факультетъ, соответствующій ихъ вкусу.

И все-таки молодой человѣкъ встрѣтилъ бы значительныя затрудненія по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, гимназистъ не зналъ бы, на чемъ остановить свой выборъ, такъ какъ о многихъ наукахъ, читаемыхъ въ университетѣ, онъ даже не слышалъ. Онъ могъ бы выбрать такія лекціи, за которыми все равно не въ состояніи былъ бы слѣдить, и захотѣлъ бы слушать отдѣльные курсы совсѣмъ не въ той послѣдовательности, какъ надо.

Во-вторыхъ, если бы гимназистъ, всту-

пая въ университетъ, задался цѣлью получить возможно разностороннее образованіе, онъ тотчасъ же замѣтилъ бы, что никогда не читаются тѣ общіе курсы, о которыхъ онъ мечталъ. Преподаваніе приноровлено къ извѣстнымъ специальностямъ и по необходимости надо слушать специальные курсы. Нельзя познакомиться съ главными основами химии или ботаники, можно только специально изучать химию или ботанику. А такое специальное изученіе совсѣмъ не желательно и не нужно лицу, стремящемуся къ возможно болѣе полному умственному развитію.

Чтобы университетъ исполнялъ свое настоящее назначеніе, необходимо учрежденіе новаго общеобразовательнаго факультета, въ которомъ молодежь получила бы знанія, необходимыя для пониманія жизни, надлежащее умственное развитіе, способность размышлять, самостоятельно разбираться въ сложныхъ жизненныхъ явленіяхъ.

Прежде всего, надо покончить съ ру-

тиной и выбрать не тѣ науки, которымъ учились наши предки, а тѣ, которыя выработались самой жизнью, но до сихъ поръ не включены въ университетскія программы.

Логика и психологія издавна причислены къ предметамъ, которые долженъ знать филологъ, но гораздо болѣе важная философская отрасль—этика—не включена въ обязательное обученіе. Точно также университетъ не признаетъ антропологию, социологию (самой важной общественной науки), зоопсихологию (самой важной части зоологіи, психологіи животныхъ). И съ самыми важными общественными теченіями, съ новѣйшими научными теоріями, молодежь знакомится не въ университетѣ, а изъ статей ежемѣсячныхъ журналовъ, отражающихъ науку не полно и одно-сторонне.

Мало ли спорять о марксизмѣ, объ экономическомъ материализмѣ, нерѣдко пишутъ о самодовлѣющей (автономной) морали, студенты никогда не слышатъ отъ своихъ профессоровъ этихъ названій:

марксизмъ, экономическій материализмъ, автономная мораль.

При учрежденіи общеобразовательнаго факультета надо будетъ выбрать тѣ науки, которыя ведутъ къ общему широкому пониманію жизни, но и этого недостаточно.

Любую науку можно свести къ тетрадкѣ, изъ года въ годъ повторяемой профессоромъ и заучиваемой наизусть студентами.

Чтеніе лекцій въ томъ видѣ, какъ оно практикуется теперь, должно быть совершенно упразднено и замѣнено собесѣдованіями.

Нелѣпо было бы установить определенную форму для такихъ собесѣдованій. Бесѣда—живое дѣло, и она можетъ вестись чрезвычайно разнообразно въ зависимости отъ предмета и характера преподавателя.

Самое важное, чтобы профессоръ работалъ вмѣстѣ со студентами. Если самъ онъ выработалъ что-нибудь новое, должно самостоятельно до какого-нибудь

научнаго взгляда, онъ можетъ познакомить аудиторію со своей работой, отнюдь не навязывая слушателямъ своихъ мнѣній, напротивъ, приглашая ихъ критически отнестись къ его словамъ, снабжая ихъ нужнымъ для того матеріаломъ.

Можно предложить студентамъ прочесть ту или иную главу какого-нибудь капитальнаго сочиненія и затѣмъ совместно обсуждать ее; между слушателями, можетъ быть, возникнетъ плодотворный споръ, а профессоръ будетъ только руководить этимъ споромъ и служить третейскимъ судьей.

Ясно, что подобныя собесѣдованія нельзя вести въ аудиторіи, гдѣ нѣсколько сотъ слушателей, а такъ какъ на общеобразовательный факультетъ поступила бы значительная часть студентовъ, пришлось бы разбить факультетъ на 5—6 отдѣленій. Другими словами, пришлось бы имѣть для каждой науки вмѣсто одного профессора по пяти и по шести.

Вмѣсто того, чтобы заводить такое множество аудиторій въ столичныхъ го-

родахъ, проще было бы завести нѣсколько общеобразовательныхъ школъ въ провинціальныхъ городахъ.

Общеобразовательный факультетъ или высшія общеобразовательныя школы не упразднили бы специальныхъ факультетовъ, существующихъ въ настоящее время. Лица, желающія специально изучить ту или иную науку, могли бы обратиться къ этимъ факультетамъ, но только вездѣ чтеніе лекцій должно быть замѣнено другимъ способомъ преподаванія.

Отъ учрежденія общеобразовательныхъ факультетовъ получились бы громадныя выгоды, и прежде всего сбереженіе времени.

Собесѣдованія, въ которыхъ принимали бы активное участіе всѣ студенты, могли бы продолжаться дольше, чѣмъ продолжается теперешняя лекція, которая сведена къ 35—40 минутамъ, и студенты каждый часъ теряютъ въ ожиданіи слѣдующаго профессора отъ 20—25 минутъ. Слушать лекцію съ напряженнымъ вниманіемъ трудно даже въ теченіе одного

часа, но спорить объ интересномъ предметѣ можно и полтора часа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было бы назначать по 5—6 лекцій въ день, какъ это дѣлается теперъ въ предположеніи, что на всѣ лекціи никто не ходитъ. Двухъ собесѣдованій по 1½ часа (или трехъ по часу) было бы совершенно достаточно, и такія бесѣды давали бы гораздо больше, чѣмъ теперешнія 5—6 лекцій. Студенты были бы заняты только 3½ часа, считая полчасовой перерывъ, и они могли бы освободиться въ первомъ часу, если бы занятія въ университетѣ начинались нѣсколько ранѣе, чѣмъ теперъ.

Собесѣдованія упразднили бы экзамены, профессора не требовали бы отъ студентовъ заучиванія литографированныхъ записокъ и не провѣряли бы ихъ знаній. Всѣ студенты ходили бы въ университетъ, потому что не ходить не имѣло бы смысла, при нехожденіи нельзя было бы получить никакого диплома. Профессора хорошо знали бы свою немногочисленную аудиторию и, въ случаѣ надобности, выдавали

бы своимъ слушателямъ удостовѣреніе въ томъ, что они посѣщали общеобразовательный факультетъ и дѣйствительно получили высшее образованіе.

Отъ этого явилась бы новая выгода: четырехгодичный университетскій курсъ можно было бы замѣнить трехгодичнымъ. Теперъ лекціи прекращаются великимъ постомъ, на приготовленіе къ экзаменамъ и самые экзамены уходитъ не меньше двухъ мѣсяцевъ, т. е. восемь мѣсяцевъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, или цѣлый учебный годъ.

Если бы учредили высшія школы въ маленькихъ городахъ, то лѣтнія вакаціи можно было бы сократить до 6 недѣль, потому что изъ маленькихъ городовъ на дачи не выѣзжаютъ.

Комиссія по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній должна отвѣтить на вопросъ: „какія мѣры желательны для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ?“

Думается, что къ такому сближенію

привело бы учрежденіе общеобразовательныхъ факультетовъ и замѣна лекцій собесѣдованіями. Тогда возстановилась бы давно порванная связь между профессоромъ и аудиторіей и въ глазахъ общества выросло бы уваженіе къ наукѣ.

Широкой струей разлилось бы по нашему отечеству то, чего намъ недостаетъ и что намъ такъ нужно, — просвѣщеніе.

Просвѣщенный дѣятель всегда лучше непросвѣщеннаго, а потому настоящее высшее образованіе ни для кого не можетъ быть бесполезнымъ, какое бы мѣсто ни занялъ молодой человѣкъ, окончившій университетскій курсъ.

Просвѣщенный человѣкъ не сомнѣвается, что безъ справедливости и свободы личности не можетъ существовать благоустроенное общество. Просвѣщенный дѣятель менѣе непросвѣщеннаго склоненъ къ лакейству, къ жестокости и взяточничеству.

Всѣ люди, любящіе молодежь, желали бы, чтобы прекратилось тяжелое поло-

женіе, въ которомъ находятся наши университеты въ послѣднее время.

Комиссіи предстоитъ рѣшить вопросъ, можно ли дозволить студенческія корпораціи? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ многое, и желательно конечно, чтобы были приняты во вниманіе не только интересы профессоровъ, но и интересы студенчества.

Въ рѣчи, сказанной передъ открытіемъ комиссіи по преобразованію высшихъ учебныхъ заведеній, г. управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія заявилъ, между прочимъ: „Нынѣшній строй высшихъ учебныхъ заведеній нашего вѣдомства не представляется удовлетворительнымъ“.

Зданіе стало ветхимъ и грозитъ паденіемъ. Можно поставить подпорки и подержать его нѣкоторое время.

Но не стоитъ малодушно отдалять неизбежный конецъ. Лучше теперъ же сломать старое зданіе и построить новое на новомъ основаніи.